Б33 2/11

Б. Ф. 1

Бф 8 33 2/11

Гос. Историч. Музей
НКП РСФСР
Инвент. № 326862
193 г.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ

ПЕРВАГО ДРУКАРЯ НА РУСИ

ИВАНА ѲЕДОРОВА

1583 1883

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ

ЖУРНАЛА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА

„Обзоръ Графическихъ Искусствъ“

Съ иллюстраціями, снимками старѣйшихъ книгъ, портретами
и особымъ приложеніемъ — проекта памятника Ивану Ѳедорову.

5-го Декабря 1883 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Эдуарда Гоппе.
Вознесенскій пр., № 53.

Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1884 г.
на **единственный** въ Россіи
Журналъ Печатнаго Дѣла
ОБЗОРЪ
ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ
(VIII годъ изданія)

Цѣна безъ доставки . . . . . 4 р.
» съ дост. и пересылкою . . 5 „
» съ перес. за-границу . . . 6 „

Журналъ **«Обзоръ Графическихъ Искусствъ»** выходитъ **2 раза** въ мѣсяцъ, съ разными гравюрами, рисунками, политипажами, при участіи многихъ литераторовъ и спеціалистовъ типо- и литографскаго и проч. дѣла, какъ въ Россіи, такъ и за-границею.—Къ журналу прилагаются, въ видѣ особыхъ

БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

образцы изящныхъ работъ наборнаго дѣла, **образцы новѣйшихъ шрифтовъ, рисунки машинъ, опыты новыхъ способовъ воспроизведенія иллюстрацій** и т. п. Въ текстѣ, кромѣ постоянной хроники, отдѣла рецептовъ и новыхъ изобрѣтеній, передовыхъ статей по вопросамъ, касающимся графическаго дѣла, правительственныхъ распоряженій, къ этому дѣлу относящихся, и т. п., помѣщаются **статьи по техническимъ вопросамъ графическаго дѣла, описаніе вновь изобрѣтенныхъ машинъ и приспособленій, историческіе очерки** и проч. Вообще, редакція заботится о возможномъ *разнообразіи* въ содержаніи журнала и не упускаетъ изъ виду **ни одного изъ болѣе важныхъ явленій въ области графическаго дѣла**, обращая особенное вниманіе на значеніе отихъ явленій въ Россіи. **Отдѣлъ корреспонденцій и извѣстій** изъ всѣхъ концовъ Россіи значительно увеличенъ, и съ этою цѣлью редакція вошла въ сношеніе съ болѣе **извѣстными спеціалистами** типографскаго дѣла, приглашая ихъ къ участію въ изданіи. Содержаніе журнала таково, что оно **занимаетъ всякаго** интересующагося печатнымъ дѣломъ, его судьбами и усовершенствованіями въ немъ.

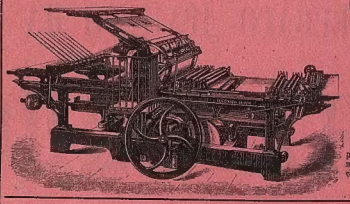
Подписка принимается въ конторѣ редакціи
„Обзора Графическихъ Искусствъ“
С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. № 53.

ПРОДАЕТСЯ
Типографія, Хромолитографія и Переплетная

существующая 31 годъ, съ постоянными работами на сумму **40,000** руб., за болѣзнью владѣльца. Также молодой, подвижной человѣкъ, съ небольшимъ капиталомъ, можетъ войти въ компаніоны до совершеннаго пріобрѣтенія имъ этого дѣла. Заведеніе это снабжено новѣйшимъ шрифтомъ до 2000 пудовъ, новѣйшими машинами, какъ типографскими, такъ и литографскими, великолѣпной коллекціей рѣдкихъ литографскихъ камней и разныхъ приспособленій.

Узнать подробности въ редакціи »Обзора Графическихъ Искусствъ«.

Парижъ 1882 г. большая золотая Медаль I. класса.



ФАБРИКА
ЛИТОГРАФСКИХЪ СКОРОПЕЧАТНЫХЪ
МАШИНЪ
ГУГО КОХЪ
Лейпцигъ-Коневицъ

рекомендуетъ свои прекрасныя, со всѣми новѣйшими практическими усовершенствованіями произведенія, соотвѣтствующія всѣмъ требованіямъ.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

„KOSMOS"
BEST PRINTER'S ROLLERS COMPOSITION.

Чтобы достигнуть хорошей печати и чтобы краска въ печати не теряла своихъ хорошихъ качествъ, требуется соотвѣтственная валиковая масса. Какъ лучшую типографскую и литографскую массу рекомендуемъ испытанную во всѣхъ отношеніяхъ, настоящую свѣтлую

Англійскую Валиковую Массу,

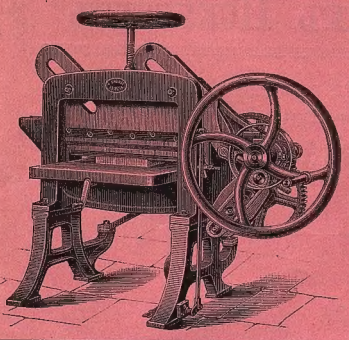
отвѣчающую самымъ строгимъ требованіямъ.

№ 1 по **26** руб. за пудъ, **70** коп. за фунтъ
» 2 » **24** » » » **65** » » »

Эту валиковую массу, въ 5-ти-фунтовыхъ кускахъ, съ фабричной маркой »Kosmos« и описаніемъ ея употребленія—можно получать въ Главномъ складѣ и Агентствѣ для всей Россіи

ЭД. ГОШЕ и К°
въ С.-Петербургѣ, Вознесенскій пр., №№ 47 и 53.

КАРЛЪ КРАУЗЕ въ ЛЕЙПЦИГѢ
Универсальная бумагорѣзальная машина съ быстрымъ поднятіемъ ножа послѣ рѣзки.



Эта бумагорѣзальная машина—положительно самая усовершенствованная изъ всѣхъ существующихъ бумагорѣзальныхъ машинъ и соединяетъ въ себѣ всевозможныя преимущества, дѣлающія ее **образцовой** по выполненію.

Особенныя преимущества этой машины:

(1 Быстрое поднятіе ножа послѣ рѣзки, вслѣдствіе чего значительно сберегается время.

2) Самодѣйствующая остановка ножа при самомъ высокомъ его положеніи.

3) Значительное сбереженіе силы, вслѣдствіе постояннаго вращенія маховаго колеса, такъ что скопившейся въ маховикѣ силой вновь пользуются при послѣдующей рѣзкѣ.

4) Машина приспособлена одновременно какъ для ручнаго, такъ и для ножнаго привода въ дѣйствіе; причемъ цѣна остается та-же. Оба способа привода въ дѣйствіе могутъ быть тотчасъ-же употреблены въ дѣло.

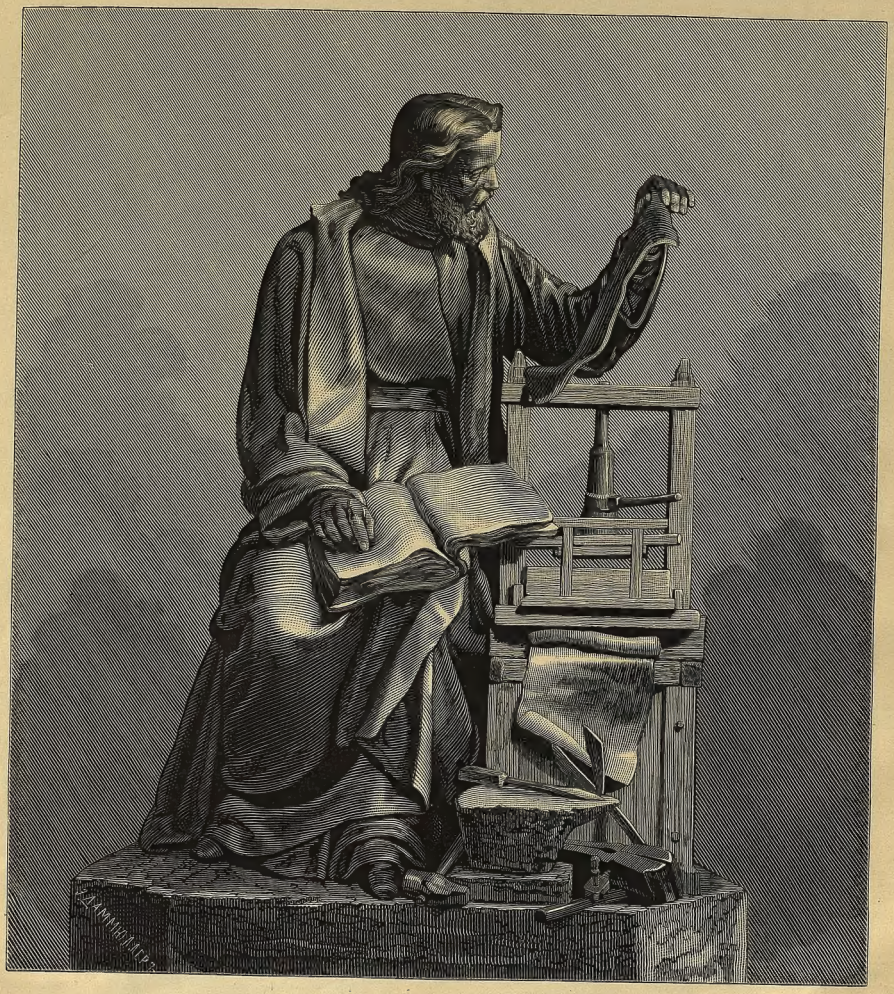
5) Подъемные шесты являются совершенно излишними.

6) Ручное колесо къ прессовальному стержню въ этой машинѣ придѣлано очень низко (около 30 сантим. ниже, чѣмъ у другихъ до сихъ поръ существующихъ машинъ), такъ что рабочій даже самаго низкаго роста съ легкостію можетъ достать его.

7) Достаточно одного нажима педали, чтобы привести машину опять въ дѣйствіе, причемъ руки рабочаго остаются свободными.

Подробности объ »Универсальной бумагорѣзальной машинѣ«, а также о величинѣ и цѣнѣ можно узнать у **Карла Краузе въ Лейпцигѣ** и у

Эд. ГОШЕ и К° въ С.-Петербургѣ, Вознесенскій пр., д. 53.



Проектъ памятника

ПЕРВОМУ РУССКОМУ ТИПОГРАФУ

ИВАНУ ѲЕДОРОВУ въ МОСКВѢ.

Скульптора А. Любимова.

(Рисунокъ заимствованъ изъ журнала „Всемірная Иллюстрація".)

Приложеніе къ юбилейному нумеру журнала „Обзоръ Графическихъ Искусствъ" 5-го декабря 1883 г.

1583 ТРЕХСОТЛѢТІЕ 1883

ПЕРВАГО ДРУКАРЯ НА РУСИ
ИВАНА ѲЕДОРОВА

5-го Декабря 1883 года.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ
ЖУРНАЛА
„Обзоръ Графическихъ Искусствъ“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ первые наши типографы въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ напечатанныхъ ими книгъ сообщали всегда исторію даннаго изданія, такъ и мы, выпуская въ свѣтъ изданіе, посвященное памяти перваго русскаго печатника, позволяемъ себѣ предпослать ему нѣсколько строкъ, объясняющихъ цѣль и значеніе нашего предпріятія.

Триста лѣтъ миновало со дня смерти основателя первой типографіи на Руси, триста лѣтъ — со дня смерти русскаго Гутенберга. Имя Ѳедорова подвергалось въ теченіе этихъ трехсотъ лѣтъ разнымъ судьбамъ: гонимый, преслѣдуемый, умираетъ первый русскій типографъ на чужбинѣ, въ совершенной нищетѣ; потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ совершенно забытый, не оцѣненный по достоинству, лишь въ трехсотлѣтній юбилей напечатанія на Руси первой книги, въ 1864 г., дождался полезный труженикъ чествованія своихъ заслугъ, дождался того, что добрые люди вспомнили о немъ, что заговорили о томъ, что слѣдовало-бы заслуги Ѳедорова почтить памятникомъ.

Но снова минуло много лѣтъ—памятникъ Ѳедорову, какъ былъ, такъ и остался въ сферѣ проектовъ. Болѣе чѣмъ скромный, старый, стертый камень, когда-то, триста лѣтъ тому назадъ, украсившій могилу „друкаря книгъ невиданныхъ“ — составляетъ единственный знакъ памяти, котораго удостоились земные останки Ивана Ѳедорова...

Какъ представители единственнаго въ Россіи журнала печатнаго дѣла,—журнала, посвященнаго собратамъ Ѳедорова по искусству, наборщикамъ, печатникамъ и вообще лицамъ причастнымъ графическимъ дѣламъ,—мы сочли своею обязанностью, по мѣрѣ силъ нашихъ и возможности, въ трехсотлѣтнюю годовщину смерти Ивана Ѳедорова воздать дань уваженія заслугамъ перваго печатника. Осуществленіемъ этого намѣренія является юбилейный сборникъ „Обзора Графическихъ Искусствъ“.

Изданіе это прежде всего имѣетъ цѣлью разсказать исторію жизни Ѳедорова, судьбу перваго печатника и изъяснить, въ чемъ состояли его заслуги; но мы позволили себѣ прибавить, сверхъ того, въ краткихъ отдѣльныхъ очеркахъ, и послѣдовательную исторію печатнаго дѣла въ Россіи, картину современной Ѳедорову типографской техники и т. п., съ приложеніемъ снимковъ первопечатныхъ книгъ, станковъ и т. д., чтобы показать, какъ постепенно развивалось прекрасное дѣло, задуманное и основанное Ѳедоровымъ. Это намъ показалось тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что 300-лѣтній юбилей Ѳедорова совпадаетъ съ весьма важнымъ для успѣховъ печатнаго дѣла и образованности въ Россіи 100-лѣтнимъ юбилеемъ вольныхъ типографій въ нашемъ отечествѣ.

Вѣнокъ, который мы кладемъ на гробъ Ѳедорова ровно триста лѣтъ по его смерти, свитъ изъ ряда статей многихъ нашихъ писателей и спеціалистовъ; часть этихъ статей нарочно написана для нашего изданія, часть же заимствована изъ сочиненій нашихъ первыхъ представителей науки и литературы. Конечно, такой вѣнокъ-сборникъ, рядъ мнѣній о заслугахъ Ѳедорова — лучшая память о русскомъ первопечатникѣ.

Старые наши друкари имѣли обыкновеніе въ концѣ своихъ книгъ приписывать слѣдующія слова: „и нынѣ, господа отцы и братья, еже ся гдѣ описалъ, или переписалъ, или недописалъ — чтите, исправляя Бога ля, а не кляните, занеже книги ветхи суть, а умъ молодъ, не дошелъ. Слышите Павла Апостола, глаголюща: не кляните, но благословите“.

Пусть эти слова будутъ выразителями и нашихъ чувствъ при выпускѣ въ свѣтъ скромнаго юбилейнаго изданія.

Редакція „Обзора Графическихъ Искусствъ“.

С.-Петербургъ, въ декабрѣ 1883 г.

ПАМЯТИ
ПЕРВАГО ДРУКАРЯ НА РУСИ.

„Всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта и „не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла „его, яко лукава суть. Творяй же истину грядетъ „къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть „содѣлана. (Евангл. Іоанна, III, 20—21.)

Взошла Руси заря. Лучами просвѣщенья
Согрѣтъ и озаренъ Руси младой народъ...
Родной народъ-гигантъ стезею обновленья,
Стезею твердою познаній и ученья, —
По нивѣ трудовой все движется впередъ...

Взошла Руси заря. Взошли младые всходы;
Гнетущій, скорбный мракъ исчезъ въ пучинѣ лѣтъ;
Разсѣяны во прахъ дыханіемъ свободы
Вѣковъ таинственныхъ страданья и невзгоды, —
И возсіялъ средь насъ животворящій свѣтъ!

И время медленно, но опытной рукою
Сбираетъ зданія гигантскаго гранитъ,
Гдѣ истину познать—несмѣтною толпою—
Семья народная свободною стопою
По всей Руси родной сознательно спѣшитъ.

И зданье все растетъ среди благословеній;
Его поколебать не въ силахъ свѣта врагъ, —
Растетъ для счастія грядущихъ поколѣній,
Для истины, добра, для честныхъ вожделѣній,
Для ревностныхъ бойцовъ, разящихъ прежній мракъ.

Три вѣка протекло, съ тѣхъ поръ какъ въ основанье
Такого зданія заботливой рукой—
Діаконъ Москвитинъ вложилъ среди изгнанья,
Средь нравственной борьбы, лишеній и страданья,
Средь горькихъ, жгучихъ слезъ, свой камень основной.

Друкарь »*Апостола*«, намъ посланный Москвою,
Сталъ самъ апостоломъ искусства и наукъ, —
Давъ книгу первую и давъ примѣръ собою:
Проливъ, средь клеветы, недрогнувшей рукою,
Ученья чудный свѣтъ, какъ просвѣщенья другъ.

А съ первымъ друкаремъ заботы и лишенья
Петръ Тимоѳеевичъ Мстиславецъ раздѣлялъ. —
Не заклеймитъ его во вѣкъ печать забвенья:
Сподвижникъ друкаря, поборникъ просвѣщенья
Признательность Руси достойно онъ стяжалъ.

И вотъ, чрезъ триста лѣтъ, Россіи сынъ свободный,
Стоящій безъ цѣпей у Божья алтаря,
Съ душой признательной, съ душою благородной,
Съ любовію своей широкою, природной,
Достойно оцѣнитъ скитальца-друкаря!

И въ долготу вѣковъ на Руси необъятной, —
Покуда будетъ живъ одинъ хоть славянинъ,
Покуда льется свѣтъ науки благодатной
И топитъ мракъ невѣждъ въ пучинѣ безвозвратной, —
Во вѣки не умретъ діаконъ Москвитинъ!

И будетъ жить всегда съ нимъ, славу раздѣляя,
Всякъ Гутенберговскій на свѣтѣ ученикъ!..
Покуда міръ стоитъ, покуда жизнь земная
Людей къ труду зоветъ, ихъ счастьемъ надѣляя,
Повсюду трудъ его достоинъ и великъ!

Александръ фонъ-Беземанъ.

Что празднуемъ мы?

Велико значеніе дня, празднуемаго нами 5-го декабря. Это — торжество успѣховъ русской мысли, русскаго прогресса, умственнаго и нравственнаго роста русской націи.

Эти успѣхи, этотъ прогрессъ зародились и возрасли на скромномъ типографскомъ станкѣ.

Неизмѣримо велико различіе между современной Россіей и тѣмъ, что была она 300 лѣтъ тому назадъ. Тамъ — Россія косности, отсталости и тьмы нравственной. Теперь—Россія цивилизованная страна. Цивилизація страны расла и растетъ пропорціонально развитію печатнаго дѣла.

Во вѣки незабвенною останется для русскихъ людей память объ Иванѣ Ѳедоровѣ, какъ первомъ русскомъ типографѣ. Подбирая и прикладывая букву къ буквѣ, русскіе *печатники* постепенно сложили ту колоссальную лѣстницу прогресса, которая подняла страну родную въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и поставила ее въ уровень съ европейскимъ прогрессомъ. Каждое движеніе типографскаго станка можно назвать толчкомъ русской жизни на пути къ прогрессу и самоусовершенствованію.

Великое это дѣло въ гуманитарномъ, общественномъ и государственномъ отношеніи!... Здѣсь мы видимъ примѣръ скромнаго, незамѣтнаго по внѣшнему виду, но въ высшей степени важнаго труда на пользу общую, во имя мирнаго прогресса и преуспѣянія. Потому-то именно мы и чествуемъ нынѣ память Ѳедорова, потому-то память эта и незабвенна для русскихъ людей, что съ этого скромнаго труженика началась великая культурная работа на пользу роднаго края и русской націи.

»Онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа«

— такъ можно сказать, — измѣняя нѣсколько стихъ поэта, — о скромномъ и въ то-же время великомъ дѣлѣ Ивана Ѳедорова, какъ первагo русскаго типографа.

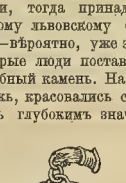
Да воодушевляетъ эта мысль каждаго типографскаго работника, помогающаго воплощенію человѣческой мысли въ печатномъ словѣ! Пусть знаетъ онъ, что—какъ-бы ни былъ скроменъ его трудъ — въ »нерукотворномъ памятникѣ« есть частица и на его долю— во славу и честь его полезнаго труда! Пусть это сознаніе согрѣетъ и успокоитъ душу людей, удрученныхъ тяжелымъ печатнымъ трудомъ!...

М. Посковскій.

Иванъ Ѳедоровъ
первый книгопечатникъ на Руси.

Ровно триста лѣтъ тому назадъ, 5-го (17) декабря 1583 года, въ одномъ изъ предмѣстій города Львова, въ тогдашней Червонной Руси, а нынѣшней Галиціи, умеръ въ страшнѣйшей нуждѣ, лишенный почти послѣдняго куска хлѣба, старикъ, котораго нѣкоторые граждане Львова знали раньше какъ прилежнаго друкаря, типографа, и о которомъ говорили, что онъ родомъ изъ Москвы.

Какая была причина нищенской смерти старика—объ этомъ въ старинныхъ лѣтописяхъ ничего не говорится. Извѣстно лишь, что тѣло старика похоронено на кладбищѣ при Онуфріевской церкви, тогда принадлежавшемъ православному львовскому братству, а на могилѣ—вѣроятно, уже значительно позже—добрые люди поставили скромный надгробный камень. На этомъ камнѣ, однакожъ, красовались слова, которыя своимъ глубокимъ значеніемъ въ



Гербъ Ивана Ѳедорова.

состояніи замѣнить великолѣпнѣйшій памятникъ, — красовались слова: »*друкарь книгъ предтымъ невиданныхъ*«.

Этотъ старикъ, умершій въ страшнѣйшей нуждѣ, въ долгахъ, за которые отняли у него даже излюбленныя его орудія: его станокъ, его шрифты —это былъ Иванъ Ѳедоровъ, или Ѳедоровичъ, какъ онъ называлъ себя на чужбинѣ, первый печатникъ на Руси, —первый, который ввелъ въ Россіи великое Гутенберговское изобрѣтеніе;— первый, который сдѣлалъ науку и просвѣщеніе, составлявшія прежде исключительную собственность лишь избранныхъ сословій, достояніемъ всѣхъ и каждаго на всемъ пространствѣ Русской земли.

Странная судьба! Человѣкъ, имѣющій такую громадную заслугу передъ отечествомъ, человѣкъ, которому сограждане обязаны величайшею благодарностью,—умираетъ на чужбинѣ, лишенный всѣхъ средствъ къ жизни, лишенный даже тѣхъ орудій, которымъ посвятилъ всю свою жизнь, все свое личное!..

Да, исторія жизни Ивана Ѳедорова, это—одна изъ грустныхъ біографій тѣхъ борцовъ за идею, тѣхъ энтузіастовъ-гражданъ, которые за свои подвиги поплатились благосостояніемъ, поплатились жизнью и число которыхъ такъ значительно въ прошлыхъ столѣтіяхъ...

Приглашенный царемъ Иваномъ Васильевичемъ для исполненія благой мысли — »произвести отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія, и скораго дѣланія, и ради легкой цѣны, и ради своей похвалы... дабы (можно) было всякому православному христіанину праведно и несмутно читать святыя книги и говорить по нимъ, и дабы (можно было) повелѣть и спущать (эти печатныя книги) во всю Русскую свою землю«, Ѳедоровъ является самымъ ревностнымъ исполнителемъ воли государя, и какъ только царь построилъ домъ для типографіи—штанбы, какъ тогда говорили— усердно взялся за свое дѣло.

Гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ выучился Ѳедоровъ неизвѣстному до тѣхъ поръ въ Россіи искусству книгопечатанія — объ этомъ существуютъ лишь догадки, а положительныхъ свѣдѣній нѣтъ. Также не сохранилось свѣдѣній о предшествующей жизни Ѳедорова. Извѣстно лишь, что первый московскій книгопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ —уроженецъ д. Никола-Гостуни, въ Ликвинскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, и былъ посвященъ въ чинъ діакона Кремлевской церкви св. Николы Льнянаго или Елнянаго (переименованной позже Гостунскимъ соборомъ, по перенесеніи, въ XIV столѣтіи изъ села Гостуни въ Москву чудотворной иконы св. Николая Гостунскаго).

По принятому въ то время обычаю Ѳедоровъ въ концѣ первой напечатанной имъ книги, въ т. н. послѣсловіи, самъ разсказываетъ всю исторію возникновенія печатнаго дѣла на Руси и напечатанія первой книги въ Москвѣ. Въ другихъ, уже на чужбинѣ напечатанныхъ имъ книгахъ разсказываетъ Ѳедоровъ дальнѣйшую исторію своей жизни, — и эти-то послѣсловія составляютъ главный, если не единственный источникъ для біографіи московскаго первопечатника.

Причины, побудившія царя Ивана Васильевича завести книгопечатаніе, извѣстны: царь хотѣлъ искаженныя ошибками неграмотныхъ писцовъ рукописныя книги, возбуждающія разныя недоразумѣнія, вынуть изъ обращенія и замѣнить ихъ исправленными, точными и единогласными.

Первая такая новая книга—»*Апостолъ*

Апостольска и посланія соборная и Святаго Апостола Павла посланія«— была начата печатаніемъ 19-го апрѣля 1563 г. и 1-го марта, стараніемъ Ивана Ѳедорова и его товарища Петра Мстиславца, увидала свѣтъ божій.

И такъ, русскіе впервые увидали книгу, удобную для чтенія, а не свитокъ въ нѣсколько десятковъ саженей длиною или рукописную тетрадь, на которыхъ написанное всегда болѣе или менѣе удалялось отъ подлинника, потому что искажалось переписчиками, которые иногда по своимъ понятіямъ, а болѣе по незнанію и недоразумѣнію, замѣняли неразборчивыя слова другими или изъ двухъ словъ составляли одно.

Необычайность книгопечатанія, подрывъ, который оно дѣлало множеству книгописцевъ, лишая ихъ доходовъ,— были причиною того, что люди темные возстали противъ благонамѣреннаго дѣла, обвинили первыхъ типографовъ въ ереси и волшебствѣ, въ связи съ нечистою силою, и принудили, ради сохраненія жизни, къ бѣгству изъ Москвы.

Ѳедоровъ разсказываетъ этотъ грустный эпизодъ своей жизни въ послѣсловіи къ напечатанному имъ впослѣдствіи, уже во Львовѣ, второму изданію »Апостола« слѣдующимъ образомъ:

»Сія же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣлнаго ради озлобленія часто случающагося намъ, не отъ самого государя, но отъ многихъ начальниковъ, и священноначальниковъ, и учителъ, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и божіе дѣло вконецъ погубити; якоже обычай есть злонравныхъ, и ненаученыхъ, и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова-бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи не разумѣетъ како ходитъ, и о чемъ утверждается: сія убо насъ отъ земля и отечьства, и отъ рода нашего изгна, и въ иныя страны незнаемы пресели«.

Здѣсь надобно замѣтить, что не одинъ русскій народъ, увлеченный кленетами корыстолюбцевъ, невѣждъ и суевѣровъ, впадалъ въ подобныя заблужденія, но и западные европейцы нерѣдко не уступали намъ въ этомъ отношеніи въ невѣжествѣ. Такъ, во Франціи, при королѣ Людовикѣ XI, первыя напечатанныя книги признаны были дьявольскимъ произведеніемъ и самимъ парламентомъ присуждены къ сожженію. Еще раньше въ Германіи подвергались такимъ-же преслѣдованіямъ первые книгопечатники. Что-же касается до Россіи, то, какъ видно изъ словъ самого Ѳедорова, его преслѣдовалъ не государь, но завистливые писцы и подстрекаемые, безъ сомнѣнія, ими-же »начальники и священноначальники«.

Принужденный бросить дорогое, любимое дѣло, Ѳедоровъ отправляется въ Литву, къ польскому королю Сигизмунду-Августу, который вмѣстѣ съ своими панами, какъ видно изъ словъ Ѳедорова, принялъ его очень благосклонно.

Такой пріемъ объясняется тѣмъ, что книгопечатаніе не было новостью въ Польшѣ. Еще въ 1525 году переѣхалъ изъ Праги въ Литву печатникъ Скорина и началъ печатать по славянски; въ Краковѣ еще раньше того, въ 1491 г., Фіолъ печаталъ славянскія книги. Такимъ образомъ для поляковъ печатное дѣло не было уже новостью, а пріѣздъ лица, свѣдущаго въ типографскомъ искусствѣ, понятно, обрадовалъ даже многихъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ литовскихъ вельможъ, князь Григорій Александровичъ Ходкевичъ, »панъ виленьскій, гетманъ наивышшій великого княжства литовъскаго, староста городеньскій, и могилевъскій«, исходатайствовалъ у короля позволеніе принять

Гербъ города Львова на книгахъ, напечатанныхъ Ѳедоровымъ во Львовѣ.

несчастныхъ бѣглецовъ у себя и, говоря словами Ѳедорова, »упокоеваше насъ немало время и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ. Еще же и сіе недоволно ему бѣ еже тако устроити насъ, но и весь (деревню) немалу дарова ми на упокоеніе мое«.

Ходкевичъ одинаково покровительствовалъ и католичеству, и православію. Въ своемъ имѣніи Заблудово, которое именовалъ городомъ, Ходкевичъ построилъ католическую приходскую церковь (1567 г.), а почти одновременно основалъ православную церковь, госпиталь для всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій, и здѣсь-то онъ основалъ, въ 1568 году, типографію, которую отдалъ бѣжавшимъ изъ Москвы Ѳедорову и Мстиславцу.

Первою отпечатанною въ заблудовской типографіи книгою была »Книга, зовомая Евангеліе учительное«, начатая 8-го іюля 1568 года, оконченная 17-го марта 1569 года. На оборотѣ заглавнаго листа этой книги помѣщенъ гербъ мецената Ходкевича, а въ заглавіи разсказано о радушномъ пріемѣ Ѳедорова среди поляковъ, а въ концѣ предисловія отъ имени гетмана—что онъ »не пощадѣхъ отъ Бога дарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати, кгому же изобрѣтохъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарскомъ людей наученныхъ Ивана Ѳедоровича Москвитина, да Петра Тимоѳеевича Мстиславцова, повелѣлисмы имъ учинивши варштатъ (Werkstatt) друкарски выдруковати сію книгу Евангеліе учительное«.

По отпечатаніи этого Евангелія, сотоварищъ Ѳедорова, Мстиславецъ, оставилъ Заблудово и переѣхалъ въ Вильно, въ типографію Мамоничей. Ѳедоровъ же, оставшись одинъ, напечаталъ еще въ Заблудовѣ Псалтирь съ Часословцемъ, начатый въ 1569 году сентября 26-го и оконченный въ 1570 году марта 23-го.

Между тѣмъ гетманъ, удручаемый старостью и недугами, приказалъ, по причинамъ не совсѣмъ объяснимымъ, прекратить книгопечатаніе, надѣливъ предварительно Ѳедорова въ награду большимъ помѣстьемъ. Ѳедоровъ могъ-бы, такимъ образомъ, вести жизнь спокойную и обезпеченную; но горячо привязанный къ своему искусству, которое называетъ »божіимъ дѣломъ«, первый печатникъ считалъ подобную жизнь непристойною и обидными для себя заняться плугомъ и хлѣбопашествомъ, когда въ рукахъ его было художество книжное, когда онъ долженъ вмѣсто житныхъ сѣмянъ сѣять сѣмена духовныя по вселенной, давая всѣмъ духовную пищу. »Неудобно ми бѣ раломъ, ниже сѣмень сѣяніемъ, время живота своего сѣкращати« — разсказываетъ Ѳедоровъ во львовскомъ Апостолѣ — »но имамъ убо вмѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ сѣсуды, вмѣсто же житныхъ сѣмень духовная сѣмена по вселѣннѣй разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся истязанія владыки моего Христа, непрестанно вѣпіюща къ мнѣ: лукавый рабе и лениве, почто не вда сребра моего торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ бы и свое сълихвою? И когда убо на уединеній въ себѣ прихождахѣ, и множицею слезами моими постелю мою омочахъ. вся сія размышляя въ сердцы своемъ, дабых не съкрылъ вѣземли таланта отъ Бога дарованнаго ми, и тужащу ми духомъ сія глаголахъ: еда въ вѣки отринетъ Господь, и неприложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ, по притчи смоковичнаго неплодъствія, яко всуе землю упражняющу».

И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ мыслей, покидаетъ Ѳедоровъ свое помѣстье и отправляется во Львовъ—тогда глав-

ный городъ Галицкой (Червонной) Руси, дабы тамъ снова начать книгопечатаніе для распространенія божественныхъ истинъ въ русскомъ народѣ. Не имѣя денежныхъ средствъ для заведенія типографіи, Ѳедоровъ (уже тогда постоянно называющій себя *Ѳедоровичемъ Москвитиномъ*), обратился съ просьбою о пособіи къ знатнымъ и богатымъ гражданамъ, но встрѣтилъ равнодушіе къ своему дѣлу. По его собственнымъ разсказамъ, не разъ обходилъ онъ знатнѣйшихъ и богатыхъ гражданъ, кланялся, плакалъ передъ ними, просилъ о поддержкѣ къ устройству друкарни—но напрасно. Просилъ онъ, наконецъ, священниковъ оповѣщать народъ съ амвоновъ по церквамъ о пользѣ его дѣла,—но и это не помогло; сочувствующихъ нашлось очень немного. Въ концѣ концовъ, получивъ кое-что отъ бѣдняковъ и нѣкоторыхъ изъ духовенства, на эти ничтожныя средства заводитъ Ѳедоровъ типографію и приступаетъ къ печатанію Апостола.

Львовскій Апостолъ начатъ 25-го февраля 1570 г., а конченъ 15-го февраля 1574 г. Книга эта весьма интересна, потому что въ ней (въ послѣсловіи) Ѳедоровъ подробно разсказываетъ о своемъ происхожденіи, гоненіяхъ и трудахъ по печатному дѣлу.

Изъ львовскихъ работъ Ѳедорова извѣстенъ только »Апостолъ«, но разные документы, сохранившіеся въ архивѣ ставропигійскаго львовскаго братства, указываютъ, что Ѳедоровъ напечаталъ во Львовѣ и другія книги, изъ которыхъ, однако, какъ видно, не уцѣлѣлъ ни одинъ экземпляръ.

Подъ конецъ своего пребыванія во Львовѣ, нуждаясь въ деньгахъ, Ѳедоровъ закладываетъ свое заведеніе, со всѣми станками и принадлежностями, еврею Якубовичу и по вызову князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго и проч., отправляется въ 1580 г. въ Острогъ. Здѣсь-то, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, печатаетъ Ѳедоровъ по порученію благочестиваго князя знаменитую *Библію Острожскую*—первую полную Библію на славянорусскомъ языкѣ, а передъ этимъ еще Псалтирь и Новый Завѣтъ.

Видъ замка кн. Константина Острожскаго.

Изданіемъ Острожской Библіи окончена типографская дѣятельность Ѳедорова. Послѣ этого изданія онъ переселился снова во Львовъ, съ намѣреніемъ продолжать здѣсь прерванное печатаніе; но до самой смерти не нашелъ средствъ выкупить вещей, заложенныхъ еще передъ отъѣздомъ въ Острогъ. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ, въ страшной нуждѣ, умираетъ первый русскій типографъ въ предмѣстьи Львова, называемомъ Подзамче.

Въ 1584 году, рѣшеніемъ львовскаго еврейскаго суда, всѣ типографскія вещи и книги, заложенныя Иваномъ Ѳедоровичемъ, были присуждены въ собственность еврея Израиля Якубовича. Впослѣдствіи львовскіе граждане сдѣлали между собою денежный сборъ и выкупили эту печатню у еврея Израиля, уплативъ за нее потребованную сумму—1.400 злотыхъ. Этою покупкою положено основаніе львовской братской типографіи.

И такъ, печатнику Ивану Ѳедорову, многозаслуженному мужу въ дѣлѣ распространенія печатнаго слова, пользовавшему вначалѣ вспомоществованіями царя Ивана Васильевича Грознаго, пришлось подъ старость впасть въ крайнюю нужду, причемъ даже весь типографскій приборъ его попалъ въ руки евреевъ и—впослѣдствіи освобожденный—далъ начало древнѣйшей типографіи при Успенской-Ставропигійской церкви въ г. Львовѣ, до сихъ поръ процвѣтающей съ большимъ успѣхомъ.

Всю эту жизнь перваго русскаго типографа, — жизнь полную страданій и лишеній, превосходно охарактеризовалъ М. Погодинъ въ слѣдующихъ словахъ: »Учился, трудился, старался, успѣлъ напечатать первую книгу въ Москвѣ, принужденъ былъ бѣжать, искалъ вездѣ средствъ дѣлать свое дѣло, кланялся, томился, плакалъ, становился на колѣни, падалъ на землю, унижался, подвергался всѣмъ лишеніямъ, терпѣлъ

всякую нужду, не заботясь ни о какихъ житейскихъ выгодахъ и удобствахъ, лишь-бы печатать, печатать, печатать какъ можно болѣе и распространить слово божіе, свѣтъ Христовъ; скитался изъ мѣста въ мѣсто Христовымъ именемъ съ своимъ художествомъ, изъ Москвы въ Литву, изъ Литвы въ Галичину, во Львовъ, изо Львова на Волынь, въ Острогъ, гдѣ и имѣлъ счастіе, черезъ 15 лѣтъ послѣ своего удаленія изъ Москвы, напечатать, наконецъ, полную Библію; напечаталъ и ушелъ опять во Львовъ, гдѣ вскорѣ и сложилъ свои кости, опочивъ отъ трудовъ, славный друкарь книгъ невиданныхъ«!

Да будетъ-же отнынѣ вѣчная память по всей обширной Руси имени Ивана Ѳедорова, — имени одного изъ тѣхъ, кто пролагалъ дорогу русской мысли среди мрака невѣжества и самъ палъ жертвою своихъ благородныхъ усилій,— имени русскаго Гутенберга! Да упокоитъ Господь Богъ въ царствіи своемъ его многострадальную душу!

Ф. С.

Введеніе книгопечатанія въ Россіи.

Къ царствованію Іоанна IV относится введеніе того могущественнаго средства, которое окрылило мысль человѣческую,—введеніе книгопечатанія. Еще въ XV вѣкѣ появилось книгопечатаніе въ славянскихъ странахъ, именно въ Краковѣ съ 1491 года; съ 1525 года видимъ книгопечатаніе и въ Вильнѣ. Царь Іоаннъ въ 1548 году между другими мастерами выписалъ изъ Германіи и типографовъ; но ихъ не пропустили въ Россію. Въ 1552 году датскій король Христіанъ III присылалъ въ Москву *Ганса Миссенгейма*, съ предложеніемъ царю принять протестантизмъ? Миссенгеймъ привозилъ съ собою Библію и двѣ другія книги, въ которыхъ содержалась сущность христіанской вѣры по новому ученію. Если-бы царь согласился на предложеніе королевское, то Миссенгеймъ, переведя привезенныя имъ книги на русскій языкъ, долженъ былъ напечатать ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

Неизвѣстно, какъ принятъ былъ Миссенгеймъ Іоанномъ; невѣроятно, чтобы царь поручилъ устроеніе типографіи человѣку, присланному явно съ цѣлію распространенія протестантизма. По русскимъ извѣстіямъ, царь, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строящихся многихъ церквей, велѣлъ скупать ихъ на торгахъ, но оказалось очень мало исправныхъ; это привело Іоанна къ мысли о необходимости книгопечатанія; митрополитъ Макарій одобрилъ эту мысль, и съ 1553 года приступили къ дѣлу, построили домъ царскою казною, въ которомъ только съ 1563 года начали заниматься книгопечатаніемъ два мастера—дьяконъ отъ Николы Гостунскаго, *Иванъ Ѳедоровъ*, да *Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ*; кромѣ нихъ, уже прежде встрѣчалось имя *мастера печатныхъ книгъ Маруши Нефедьева* подъ 1556 годомъ. *)

1-го марта 1564 года окончено было печатаніе первой книги—»Дѣяній апостольскихъ« и соборныхъ посланій съ посланіями Апостола Павла. Въ XVII вѣкѣ

Гербъ князя К. К. Острожскаго, на его изданіяхъ.

ходили слухи, что эти первые мастера печатнаго дѣла научились своему искусству у нѣмцевъ; нѣкоторые же говорили, что сначала русскіе мастера печатали книги малыми и неискусными начертаніями, а послѣ выучились печатать лучше у нѣмцевъ (у фряговъ).

Хотя книгопечатаніе было заведено съ цѣлію прекратить порчу книгъ, однако, при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія, не было средствъ повѣрить славянскаго текста греческимъ и изъ славянскихъ текстовъ выбрать лучшій. Доказательствомъ отсутствія просвѣщенія служитъ то, что издатели текстъ Новаго Завѣта называютъ текстомъ 70 толковымъ! Правописаніе въ первой печатной нашей книгѣ очень плохое, но внѣшность, по времени, очень удовлетворительна. Первые мастера, напечатавши въ 1565 году »Часовникъ«, принуждены были бѣжать изъ Москвы за границу, обвиненные въ ереси; они сами потомъ объяснили это гоненіе завистію многихъ начальниковъ, священноначальниковъ и учителей, которые на нихъ многія ереси умышляли, желая благое претворить во зло, не потому, чтобы навыкали грамматической хитрости или были исполнены духовнаго разума, но такъ, понапрасну, злое слово пронесли. Есть извѣстіе, что типографскій домъ былъ сожженъ неблагонамѣренными людьми. Въ 1568 году была напечатана Андроникомъ Невѣжею Псалтирь въ Москвѣ; въ 1578 она же напечатана въ Александровской слободѣ; но въ извѣстіи XVII вѣка о книгопечатномъ дѣлѣ говорится, что Андроникъ Невѣжа съ товарищами печаталъ Часовники и Псалтири, Апостолы и Евангеліи, Тріоди, Октоихъ и прочія божественныя книги. Московскіе изгнанники, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, удалившись въ Литву, напечатали тамъ много книгъ: оба трудились въ Заблудовѣ, у гетмана Ходкевича; потомъ Иванъ Ѳедоровъ печаталъ во Львовѣ, Петръ Тимоѳеевъ въ Вильнѣ; наконецъ, Иванъ Ѳедоровъ перешелъ въ Острогъ, къ князю Константину, и въ 1581 году напечаталъ тамъ пѣлую славянскую Библію. Хотя и къ этому важному изданію приступлено было, повидимому, съ достаточнымъ приготовленіемъ, однако, острожская Библія заключаетъ въ себѣ важныя ошибки; князь Константинъ жалуется, что у него было мало помощниковъ, а одинъ изъ этихъ немногихъ помощниковъ сознается, что никогда не видѣлъ училища.

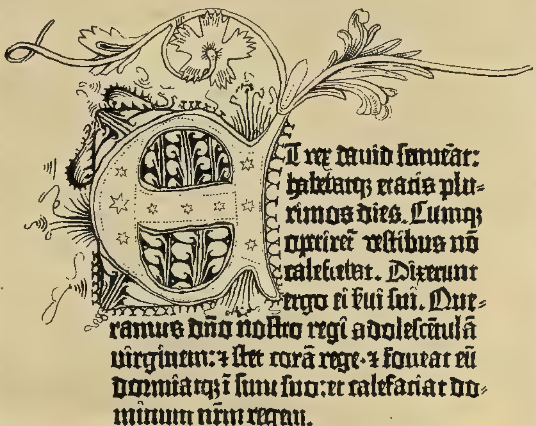
Первая книга—Апостолъ—была напечатана на плотной голландской бумагѣ. Лѣтописцы оставили намъ извѣстія о дороговизнѣ бумаги, что, разумѣется, должно было ихъ занимать: такъ, въ новгородской лѣтописи подъ 1545 годомъ находимъ извѣстіе: »въ этомъ году была бумага дорога, десть два алтына книжная«; подъ 1555: »бумага дорога была, листъ полденьги писчей».

(С. Соловьевъ.)

*) Въ 1556 году царь писалъ къ новгородскимъ дьякамъ: »Мы послали въ Новгородъ мастера *печатныхъ книгъ* Марушу Нефедьева, велѣли ему посмотрѣть камень, который приготовленъ на помостъ въ церковь къ Пречистой къ Сѣтенію. Когда Маруша этотъ камень осмотритъ, скажетъ вамъ, что онъ годится на помостъ церковный и лице будетъ на него положить можно.... а если самъ Маруша захочетъ поискуситься, лице наложитъ, то вы бы для образца прислали къ намъ камня два или три...«

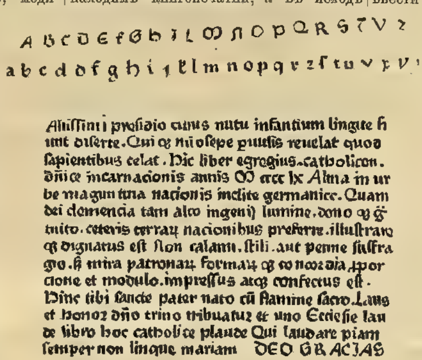
Первыя друкарни у славянъ.

Изобрѣтеніе типографіи, т. е. искусства наборомъ металлическихъ буквъ замѣнять письмо, принадлежитъ къ важнѣйшимъ и самымъ полезнымъ для человѣчества. Симъ простомеханическимъ искусствомъ система просвѣщенія совершенно измѣнилась: ходъ наукъ и знаній получилъ необыкновенное ускореніе, частныя свѣдѣнія сдѣлались общими, и ученые разныхъ странъ и временъ образовали собою новое общество, независимое отъ политическихъ соотношеній ихъ отечества. Исторію книготисненія можно (весьма справедливо) назвать картиною развитія умовъ народныхъ. Его произвелъ опытъ; необходимость распространила и упрочила; ни одно изъ средствъ насильственныхъ ему не содѣйствовало.


Ut rex david senuerat: habebatq; etatis plurimos dies. Cumq; operiretur vestibus nō calefiebat. Dixerunt ergo ei servi sui. Queramus dño nostro regi adolescētulā virginem: & stet corā rege & foveat eū dormiatq; ī sinu suo: et calefaciat dominum nrm regem.

Снимокъ съ первопечатной Гутенбергской Библіи.

Начатки искусства типографіи были посвящены богослуженію и теологіи. Вскорѣ оно предложило услуги исторіи, классической литературѣ, медицинѣ и проч.; даже не отвергло магіи и алхиміи, любимыхъ знаній того вѣка. Но преимущественно церковь обрѣла въ немъ подпору весьма важную. Переписываніе искажало богослужебныя книги: ошибки писцовъ (невѣждъ) и перемѣны злоумышленныя давали поводъ къ толкамъ; отъ словъ рождались ереси, распри преслѣдованія и самые соборы ученыхъ теологовъ не были сильны изгнать лжеученіе. Одно искусство типографіи успокоило церковь; способъ размноженія *однообразныхъ* книгъ упрочилъ навсегда цѣлость священныхъ пѣснословій и правилъ. — Услуги книготисненія для всѣхъ отраслей человѣческаго любознанія неисчислимы; представлять ихъ — значило-бы писать цѣлые томы.


A B C D E F G H I L M N O P Q R S T V Z
a b c d d f g h i j k l m n o p q r z s t u v x v

Altissimi presidio cuius nutu infantium lingue fiunt diserte. Qui q; nimosepe paruulis reuelat quod sapientibus celat. Hic liber egregius catholicon. dnice incarnacionis annis M cccc lx Alma in urbe maguntina nacionis inclite germanice. Quam dei clemencia tam alto ingenii lumine. dono q; gratuito. ceteris terrarū nacionibus preferre. illustrare q; dignatus est Non calami. stili. aut penne suffragio. s; mira patronarū formarū q; concordia proporcione et modulo. impressus atq; confectus est. Hinc tibi sancte pater nato cū flamine sacro. Laus et honor dño trino tribuatur et uno Ecclesie laude libro hoc catholice plaude Qui laudare piam semper non linque mariam DEO GRACIAS

Шрифтъ первопечатнаго »Католикона« Гутенберга.

Начало столь благодѣтельнаго искусства (типографіи) относится къ срединѣ XV вѣка. Пусть Майнцъ, Страсбургъ, Гарлемъ и проч. соищутъ чести быть отчизною (въ то время неблагодарною) его изобрѣтателей — это неважно. Намъ извѣстны имена: Гутенберга, Фауста, Шеффера; знаемъ, что они понесли общій удѣлъ великихъ нововводителей; но можемъ-ли не дивиться, наблюдая успѣхи книготисненія послѣ ихъ смерти? Около 1475 года уже въ шестидесяти городахъ Европы находимъ книгопечатни; а въ исходѣ того-же вѣка можно насчитать ихъ до двухсотъ-пятидесяти!

Славянскіе народы (коихъ судьба многообразна) не отставали отъ другихъ въ просвѣщеніи: когда мечъ иноплеменниковъ оставлялъ ихъ въ покоѣ и они узнали изобрѣтеніе типографіи. Необходимость цѣлости священнослуженія была виною заведенія книгопечатень славянскихъ. И какъ скоро! Немного послѣ Франціи, въ одно время съ Испаніею и прежде Англіи. Намъ извѣстны книги 1476—1490 г., напечатанныя въ разныхъ мѣстахъ Богеміи; съ 1491 г. началась типографія въ Краковѣ; въ 1493—1495 году работали становъ въ Цетинѣ (на Черной Горѣ); въ 1507 году—въ Сени (въ Кроаціи); въ 1512 году въ Угровлахіи (Валахіи). Изъ литовскихъ книгопечатень древнѣе другихъ виленская (съ 1525 г.). Въ срединѣ XVI вѣка печатали у себя сербы. Изъ первыхъ типографовъ славянскихъ извѣстны *Святополкъ Фіоль*, *магистръ Григорій*, іеромонахи: *Макарій*, *Пахомій* и др.

Гораздо послѣ книгопечатаніе явилось въ нашемъ отечествѣ. И здѣсь та-же причина— *цѣлость богослуженія*. Постановленій московскаго собора 1551 года объ исправномъ переписываніи книгъ церковныхъ было недостаточно; надлежало ввести типографію. Въ 1564 году вышла изъ московской книгопечатни первая книга—*Апостолъ*. Дальнѣйшіе успѣхи были медленны; ибо до XVII вѣка выдано не болѣе *десяти* книгъ, — всѣ богослужебныя.

Невѣжество и злоба не разъ полагали преграду благимъ дѣлоначатіямъ. Скоро московскіе типографы прослыли еретиками, дѣло ихъ— богопротивнымъ, и они должны были оставить отечество. Но нѣтъ зла безъ примѣси добраго. Сіе гоненіе благопріятствовало образованію книгопечатень въ Литвѣ, Волыніи и Галиціи...

Съ сего времени, книгопечатни виленская, острожская и львовская (при каѳедрѣ епископской) дѣятельно надѣляли церковь своими изданіями. Шрифты ихъ (равно московскій того времени) красивы, соразмѣрны, отмѣнно четки; оттискъ тщательный, бумага бѣлая, добротная; изображенія и за-

ставки, рѣзныя на деревѣ, изрядны. Сравнивая сіи первенцы славянской типографіи съ нынѣшними церковными книгами и дѣлая соразмѣрную посылку на *все*, можно подумать, что тогда-то былъ золотой вѣкъ образованности. Столь разителенъ упадокъ нѣкоторыхъ книгопечатень!

Съ наступленіемъ XVII вѣка успѣхи типографіи весьма быстры. Намъ извѣстны: *Октоихъ*, изданный въ Дерманскомъ монастырѣ, 1603 г.; *Служебникъ* въ Стряшинѣ, 1604; *Евангеліе Учительное* въ Крилосѣ (подъ Галичемъ), 1606; *Новый Завѣтъ* въ Евьѣ (близъ Вильны), 1611; *Часословъ* въ Кіевѣ, 1617; *Евангеліе Учительное* въ Рохмановѣ, 1619; *Плалтирь* въ четвертнѣ, 1625; *Часословъ* въ Кутейнѣ, 1632, и проч. Тогда нѣкоторыя книгопечатни въ Литвѣ были, такъ сказать, *кочевыя*; типографы ѣздили по знатнымъ панамъ, печатали въ ихъ имѣніяхъ и, перемѣняя выходные и посвятительные листы, подносили одну и ту-же книгу разнымъ патронамъ. Богатые монастыри равно старались о заведеніи у себя типографіи.

Вообще, въ продолженіе XVII столѣтія число изданныхъ книгъ весьма велико. Старыя книгопечатни (московская, львовская и друг.) значительно увеличены; завелись новыя (въ Черниговѣ, Могилевѣ и пр.); даже заграницею (въ Римѣ, Венеціи, Амстердамѣ) печатали по-славянски.

(П. Строевъ.)

Послѣсловіе Краковскаго Онтоиха, старѣйшей изъ печатныхъ книгъ славянскихъ.

Гоненіе первопечатниковъ.

Благополучное совершеніе великаго подвига—явленіе первой печатной книги вдругъ, во множествѣ экземпляровъ, удобство и легкость чтенія по ней должны были показаться для современниковъ чудомъ, должны были обрадовать всѣхъ православныхъ людей, получившихъ теперь возможность пріобрѣтать духовныя сокровища, столь для нихъ вожделѣнныя, съ мѣньшими затрудненіями и мѣньшими жертвами. Новый порядокъ вещей, новый кругозоръ, открывался предъ всѣми искавшими единаго на потребу, а тогда на Руси не было другихъ искателей. Наши труженики должны были показаться людьми необыкновенными, должны были быть осыпаны почестями и наградами, сдѣлаться предметомъ уваженія для всѣхъ соотечественниковъ, слышать отовсюду выраженія общей признательности, тѣмъ болѣе, что самъ царь, въ продолженіе всего дѣла, прилагалъ стараніе объ ихъ упокоеніи, не щадя своихъ сокровищъ. Довольные, счастливые, они могли теперь опочить, наслаждаться спокойно плодами своихъ трудовъ и гордиться по праву снисканными успѣхами.

Нѣтъ, нѣтъ, — ни наградъ, ни почестей, ни признательности не получили они никакой; нетолько счастій, но и обыденнаго спокойствія, безопасности не досталось на долю этихъ людей, приложившихъ сердце къ славному своему дѣлу, думавшихъ сослужить великую службу церкви и отечеству, мечтавшихъ содѣйствовать просвѣщенію русскаго народа, спасенію душъ христіанскихъ! Врань, ругательства, напраслины, клеветы, обвиненія чуть не въ уголовномъ преступленіи, въ ереси, достойной всякихъ казней, вотъ что стало удѣломъ достойныхъ дѣлателей, и они должны были искать себѣ спасенія въ скоромъ бѣгствѣ отъ угрожавшихъ опасностей.

— За что-же—спрашиваете вы съ удивленіемъ—могли они подвергнуться наказаніямъ? Какой поводъ можно было найти къ ихъ осужденію? Что сдѣлали они преступнаго? Вѣдь они напечатали »Апостолъ«?

— Да, они напечатали »Апостолъ«, »Дѣянія«, книгу боговдохновенную, написанную святымъ евангелистомъ Лукою; они напечатали соборныя посланія святыхъ апостоловъ Петра, Іоанна, Іуды, Іакова и вселенскаго учителя Павла.

— Но не приложили ли они какихъ-либо своихъ ложныхъ умствованій и кривотолкованій?

— Нѣтъ, къ московскому »Апостолу« не приложено ни одной строки посторонней: одни святые глаголы жизни.

— Такъ не испортили ли они первоначальнаго текста какими-нибудь неумѣстными поправками, не сдѣлали ли какихъ умышленныхъ пропусковъ или какихъ грубыхъ ошибокъ?

— Нѣтъ, все напечатано вѣрно, буква въ букву, какъ признаетъ святая православная церковь.

— Такъ въ чемъ же они могли оказаться виноватыми, за что могли подвергаться наказанію?

— За что! Ни за что, а такъ, вообще!

Еретики, опасные, неблагонамѣренные люди, нововводители—вотъ только какіе общіе неопредѣленные клики раздавались кругомъ Апостола, напечатаннаго Иваномъ Ѳедоровичемъ и Петромъ Тимоѳеевичемъ,—этого славнаго памятника человѣческой изобрѣтательности, перенесенной на русскую почву. Больше ничего не было найдено въ доказательство ихъ вины.

Къ сожалѣнію, всѣ любопытныя подробности, сопровождавшія выходъ въ свѣтъ перваго московскаго Апостола, для насъ пропали; по скромности или соотвѣтственно образу мыслей того времени, отвергавшему все личное, напи изгнанники отозвались только въ общихъ выраженіяхъ о своей напасти, спустя много времени, въ предисловіи уже къ третьей книгѣ, изданной ими во Львовѣ. »Друкарня«, говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, »составилась въ Москвѣ въ 1563 году. Мы подвержены были тамъ безпрестанно *всякимъ озлобленіямъ*, не отъ самого государя, а отъ многихъ начальниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые изъ зависти умышляли на насъ *многія ереси*, намѣревались благо превратить во зло и погубить въ конецъ божье дѣло. Такъ обыкновенно поступаютъ невѣжды, люди злонравные, неискусные въ разумѣ, не навыкшіе грамматической хитрости (то-есть, не имѣющіе понятіе о словесности), *чуждые духовному разуму*. Понапрасну, всуе, пронесли они злое слово. Вотъ она, зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующая, неразумѣющая, что дѣлаетъ и на чемъ утверждается. Она выгнала насъ изъ земли нашей, изъ отечества и отъ рода нашего, она переслала насъ въ незнакомыя страны«.

Мы думаемъ, что слово *ересь*, употребляемое здѣсь во множественномъ числѣ, не должно принимать въ точномъ смыслѣ, потому что книгопечатаніе не считалось у насъ ересью, и вскорѣ по бѣгствѣ первыхъ книгопечатниковъ, въ 1568 году, была напечатана, какъ недавно сдѣлалось извѣстнымъ, Псалтирь Никифоромъ Тарасьевымъ и Тимоѳеемъ Невѣжею и потомъ, въ 1577 г., другая Псалтирь — во вновь устроенной типографіи, въ Александровской слободѣ. *Ереси* употреблено, слѣдовательно, вообще въ смыслѣ винъ и преступленій.

Замѣтимъ еще, что Иванъ Ѳедоровичъ въ этомъ предисловіи не жалуется отнюдь на царя Ивана Васильевича, а только на начальниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Кто же, наконецъ, были эти начальники — обвинители и гонители? Съ какою цѣлью вздумали они гнать достойныхъ людей и взводить на нихъ напраслины?

Имена ихъ умерли, разумѣется, съ ними. На предложенный вопросъ можно отвѣтить только вообще: это были друзья и служители тьмы, тѣ самые, которые и теперь вопіютъ противъ гласности, препятствуя ея подворепію всѣми силами, дозволенными и недозволенными средствами. Еще Іоаннъ Богословъ сказалъ: »Всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣтъ и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть. Творяй же истину грядетъ ко свѣту, да явится дѣла его, яко Божіе суть содѣлана« (Іоаннъ, III, 20, 21). Эти ненавистники свѣта—одни и тѣ-же: они перемѣняютъ по временамъ только свой костюмъ и пользуются другими предлогами, смотря по обстоятельствамъ. Какъ прежде они осуждали распространеніе слова божія, такъ послѣ старались они, и стараются вездѣ теперь, о стѣсненіи слова человѣческаго.

Первый листъ первопечатнаго »Апостола« 1564 г.

Подвергнуться подозрѣнію и обвиненію въ чемъ бы то ни было въ царствованіе царя Ивана Васильевича Грознаго —не тѣмъ будь онъ помянутъ —было не шутка, а тогда уже начались казни, уже бѣжалъ Курбскій, ужь учреждена была опричина; — и наши книгопечатники рѣшились также по добру, по здорову убраться, захвативъ съ собою всѣ типографскія принадлежности.

(М. Погодинъ.)

Величіе и заслуги Ѳедорова.

Въ исторіи развитія просвѣщенія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ имена людей, которые рѣшились первые приняться за дѣло книгопечатанія—этотъ могучій рычагъ свѣта и образованія — играютъ весьма важную роль. Гонимые при жизни, какъ всегда и везди всѣ новаторы, людѣ эти не могли разсчитывать ни на матеріальныя, ни на нравственныя блага. Судьбы ихъ обыкновенно весьма печальны. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспомнить имена первыхъ »друкарей«, начиная съ геніальнаго изобрѣтателя книгопечатанія — Гутенберга. Всѣ они терпѣли преслѣдованія; всѣхъ ихъ обвиняли въ томъ преступленіи, которое въ тѣ времена считалось самымъ главнымъ, наиопаснѣйшимъ для церкви и государства, т. е. въ ереси. Всѣ они принуждены были оставлять родныя мѣста и переселяться къ сосѣдямъ болѣе образованнымъ или пользующимся уже благами нововведенія. Только отдаленные потомки, вкусившіе плода отъ засаженныхъ этими новаторами древъ добра, съумѣли достойнымъ образомъ оцѣнить ихъ заслуги, — современники же старались умалить ихъ значеніе, а чаще всего преслѣдовали тайно или явно.

Такую же точно судьбу испыталъ первый русскій типографъ Иванъ Ѳедоровъ; гонимый своими, онъ принужденъ былъ бѣжать къ сосѣдямъ, сначала въ Литву, а потомъ во Львовъ, гдѣ, ровно три столѣтія тому назадъ, умеръ въ страшной нуждѣ.

Имя Ивана Ѳедорова въ исторіи цивилизаціи Россіи должно стоять на ряду со многими именами великихъ людей, уже опѣненныхъ по заслугамъ. Если мы воздвигаемъ памятники великимъ полководцамъ,—мирный труженикъ для блага своего отечества, которому оказалъ неисчислимыя услуги, Иванъ Ѳедоровъ вполнѣ достоинъ памятника, а жизнь его—изученія.

Помимо того крупнаго значенія, которое заслужилъ себѣ Ѳедоровъ введеніемъ неизвѣстнаго до его времени въ Россіи книгопечатанія,—первый русскій типографъ заслуживаетъ еще глубокое уваженіе за ту энергію и выдержанность, съ которыми онъ остался всю свою жизнь вѣрнымъ избранному искусству, за ту любовь, которую онъ оказывалъ этому искусству. Лучше и больше всего эта любовь обнаруживается во время скитаній Ѳедорова на чужбинѣ: гонимый, преслѣдуемый, Ѳедоровъ ищетъ себѣ мѣсто внѣ своей отчизны,—но не для того, чтобы жить спокойно, нѣтъ — для того, чтобы продолжать начатое имъ дѣло и—что главное — продолжать на пользу роднаго просвѣщенія, на пользу православія. Мы видимъ его поэтому въ Заблудовѣ, у пана Ходкевича, печатающаго Евангеліе; мы видимъ его во Львовѣ, трудящагося надъ вторымъ изданіемъ Апостола; мы видимъ его въ Острогѣ, при станкѣ, изъ котораго вышла знаменитая острожская Библія.

Въ настоящее время людямъ некомпетентнымъ, готовымъ мѣрить всякое явленіе въ прошломъ аршиномъ настоящаго и требованіями современнаго вкуса, пожалуй, и страннымъ можетъ показаться, почему такой книгѣ, какъ Апостолъ или Евангеліе Учительное, приписывается такое огромное значеніе. Содержаніе ихъ вѣдь хорошо было извѣстно духовенству, а это послѣднее,—насколько оказывалось необходимымъ—сообщало его народу? Но кто внимательнѣе всмотрится въ прошедшее, кому хотя-бы изъ ежедневной сѣрени-

Заставица изъ первопечатнаго »Апостола«.

кой нашей жизни извѣстно, какъ неимовѣрно трудно бываетъ всякое начало, съ какими препятствіями сопряжено каждое нововведеніе, тотъ не станетъ удивляться искреннему благоговѣнію, какое внушаетъ намъ первая отпечатанная Ѳедоровымъ книга, тѣмъ болѣе, что фактъ открытія первой на Руси типографіи совершенъ во времена, отнюдь не благопріятствующія введенію великаго рычага просвѣщенія.

Впрочемъ, не одно только начало дѣятельности Ѳедорова внушаетъ къ первому друкарю глубокое уваженіе. Нѣтъ, вся жизнь Ѳедорова—это жизнь борца за идею, жизнь, полная страданій, лишеній, не смотря на которыя, первый русскій типографъ не падаетъ духомъ, не унижается, не бросаетъ избраннаго искусства...

Пребываніе въ Заблудовѣ—это одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ исторіи жизни Ѳедорова. Лишенный вдругъ неожиданно своего покровителя Ходкевича (умершаго въ 1569 году), при помощи котораго выпустилъ въ свѣтъ знаменитое Евангеліе, Ѳедоровъ все еще не рѣшается бросить излюбленнаго имъ дѣла и отдаться хлѣбопашеству, не смотря даже на то, что, безъ сомнѣнія, это принесло бы ему значительную матеріальную пользу.

Нѣтъ, человѣкъ, преслѣдующій великую идею не изъ корыстныхъ разсчетовъ,—не могъ этого сдѣлать. Вотъ какими искренне-трогательными словами описываетъ Ѳедоровъ эту борьбу, которую ему пришлось вести съ обстоятельствами и самимъ собою: »Непристойнымъ мнѣ показалось заниматься плугомъ и хлѣбосѣяніемъ, когда въ рукахъ моихъ художество книжное, когда вмѣсто житныхъ сѣмянъ я долженъ сѣять сѣмена духовныя по вселенной, раздавать всѣмъ духовную пищу. Но болѣе всего меня страшило истязаніе Владыки моего Христа, непрестанно вопіящаго ко мнѣ: дукавый и лѣнивый рабъ, зачѣмъ не отдалъ ты сребра моего торжникамъ дабы по пришествіи я могъ собрать свое съ лихвою? Въ такихъ мысляхъ оставаясь одинъ самъ съ собою, я не разъ слезами моими постелю мою омочалъ и помышлялъ со страхомъ, какъ бы не скрыть въ землѣ таланта, ввѣреннаго мнѣ Богомъ«.

Такъ могъ говорить только человѣкъ, предчувствующій великое значеніе своего дѣла! Эти слова могъ сказать только человѣкъ, имя котораго должно быть произносимо съ благоговѣніемъ всѣми, кто понимаетъ все могущество и значеніе печатнаго станка! Не всякій рѣшился бы покинуть удобную жизнь въ помѣстьи для неизвѣстнаго будущаго во имя только преслѣдующей его великой идеи. А Ѳедоровъ бросилъ Заблудово, чтобы переселиться во Львовъ, вымаливать со слезами на глазахъ средства, чтобъ основать типографію, (которую послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій ему удалось основать) и чтобы работать, чтобы »сѣять сѣмена духовныя по вселенной«.... Дальнѣйшая его судьба извѣстна: нужда заставила его заложить свою »друкарню« у жида за 411 злотыхъ, и никогда не удалось ему выкупить ее. Преданный почти фанатически своему дѣлу, этотъ человѣкъ умеръ нищимъ....

По истинѣ — человѣкъ, понимающій такъ свои обязанности, вполнѣ достоинъ названія великаго гражданина. На обязанности современнаго общества лежитъ задача увѣковѣченія памяти Ѳедорова если не памятникомъ, то дѣломъ, соотвѣтствующимъ великимъ заслугамъ его.

Г. Глинскій.

„Клеврет“ первопечатника.

Воздавая, въ 300-лѣтнюю годовщину смерти Ѳедорова, надлежащую честь человѣку, которому Россія обязана введеніемъ важнѣйшаго изъ средствъ просвѣщенія и цивилизаціи, — не слѣдуетъ забывать и о заслугахъ одного изъ то-

варищей этого Ѳедорова, если даже этотъ товарищъ — какъ увѣряютъ историки — былъ только подручнымъ Ивана Ѳедорова, а потому лицомъ второстепеннымъ при введеніи печатнаго дѣла.

Имя этого сподвижника и помощника Ѳедорова, или, какъ называютъ его »Сказанія о воображеніи книгъ печатнаго дѣла«, *клеврета* — Петръ Тимоѳеевъ, или Тимоѳеевичъ Мстиславецъ. Гдѣ и когда родился Мстиславецъ, чѣмъ онъ былъ до того времени, когда поступилъ на службу къ первому книгопечатнику —объ этомъ въ старинныхъ нашихъ лѣтописяхъ, вообще очень небогатыхъ свѣдѣніями, къ началу книгопечатанія въ Москвѣ относящимися, нѣтъ никакихъ указаній. Слѣдуетъ, однакожь, понимать, что названіе Мстиславецъ указываетъ на происхожденіе Тимоѳеева изъ города Мстислава, Могилевской губерніи.

Имя Тимоѳеева Мстиславца тѣсно связано съ исторіей начала книгопечатанія на Руси. Мстиславецъ принимаетъ прежде всего дѣятельное участіе въ изданіи первопечатнаго Апостола. Объ этомъ свидѣтельствуетъ послѣсловіе первопечатнаго Апостола. Насколько-же участіе было значительно—указываетъ то обстоятельство, что въ послѣсловіи имя Мстиславца отмѣчено рядомъ съ именемъ Ѳедорова. Мстиславецъ вмѣстѣ съ Ѳедоровымъ началъ и привелъ печатное дѣло къ окончательному устройству. Не даромъ говорится въ послѣсловіи: »Царь нещадно даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателемъ Николы чудотворца Гостунскаго діякону Ивану Ѳедорову да Петру Тимоѳѣеву Мстиславцу на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ упокоенію, дондеже и на совершеніе дѣло ихъ изыде«.

Первая страница »Острожской Библіи«.

Преслѣдуемый подобно Ѳедорову и заподозрѣнный въ ереси, Мстиславецъ, вмѣстѣ со своимъ сотоварищемъ или начальникомъ, какъ хотятъ другіе, отправляется въ Польшу и устраиваетъ вмѣстѣ съ нимъ у пана Ходкевича въ Заблудовѣ типографію — родоначальницу книгопечатанія для всей югозападной Россіи. Въ послѣсловіи къ его Евангелію Учительному, напечатанному въ 1568, ясно при этомъ сказано, что Мстиславецъ, также какъ и Ѳедоровъ, »человѣкъ въ дѣлѣ друкарьскомъ наученый« и что не одному Ѳедорову, но обоимъ — Ѳедорову и Мстиславцу — поручено »учинить варстат друкарьскій и выдруковать Евангеліе«.

Послѣ выпуска этого Евангелія, Мстиславецъ, по приглашенію Зарецкихъ и Мамоничей, отправился въ Вильно. Здѣсь, въ домѣ богатыхъ пановъ Мамоничей, была имъ устроена типографія, существовавшая потомъ около 60 лѣтъ подъ именемъ »друкарни въ дому Мамоничей« (Левъ

Мамоничъ именовалъ себя даже королевскимъ типографомъ) и прославившаяся многими изданіями церковнаго и гражданскаго содержанія. Изъ этой типографіи, »при державѣ государя милостиваго Гендрика, Божіею милостію короля Польскаго и великаго князя Литовскаго и при пресвященномъ архіепископѣ Іонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всея Руссіи, умышленіемъ и промышленіемъ пановъ Зарецкихъ«, выпущено съ именемъ Петра Тимоѳеева сына Мстисланца, въ 1575 году »Евангеліе Напрестольное«, въ листъ на 808 страницахъ, съ изображеніемъ четырехъ евангелистовъ. Въ томъ же году выпущена Мстисланцемъ у тѣхъ же Мамоничей Псалтирь въ листъ на 496 страницахъ. Оба изданія напечатаны киноварью, крупною уставною азбукою великорусскаго почерка. Эта азбука, какъ замѣчаетъ Румянцевъ, была началомъ, такъ называемыхъ, евангельскихъ шрифтовъ, которые въ послѣдующей церковной печати, и между прочимъ въ московской, устраивались по ея образцу.

Дальнѣйшія судьбы Мстислава покрыты мракомъ неизвѣстности — нигдѣ больше имя его не упоминается.

Но какъ ни коротка, сравнительно съ Ѳедоровымъ, была дѣятельность Тимоѳеева Мстислава, изъ вышесказаннаго видно, что этотъ »клеверетъ« нашего первопечатника игралъ видную, ничуть не второстепенную роль въ дѣлѣ основанія печатнаго дѣла на Руси.

Поэтому память этого труженика заслуживаетъ такого же уваженія, какъ и память Ѳедорова, и имя »мастероваго« первой русской печатницы должно стать рядомъ съ именемъ главнаго »дѣлателя« этой печатницы; скажемъ даже больше:—Мстиславецъ заслуживаетъ такого же памятника, какимъ русское общество предполагаетъ почтить основателя печатнаго дѣла въ Россіи.

Должно, наконецъ, настать время, когда труженики будутъ цѣниться одинаково съ хлѣбодателями. Въ данномъ случаѣ Ѳедоровъ былъ трудящимся хлѣбодателемъ, заслуживающимъ благодарности всякаго любящаго свою родину русскаго; но рядомъ съ нимъ стоитъ его первый и главный товарищъ и сподвижникъ, заслуживающій едва ли не такой же благодарности.

Ев. Русакова.

Старѣйшая русская типографія.

Столица древней Руси — Москва, была колыбелью русскаго печатнаго искусства. Царь Иванъ Васильевичъ, задумавъ замѣнить переполненныя ошибками рукописныя книги—печатными,

Изображеніе льва и единорога на древнихъ книжныхъ переплетахъ московскаго печатнаго двора.

мѣстомъ для производства этихъ новыхъ книгъ выбралъ свою столицу, да притомъ самый центръ города,—Никольскую улицу, въ средоточіи торговли и среди дворовъ тогдашней знати. Царь,—какъ видно изъ словъ Ѳедорова, въ послѣсловіи къ первопечатному Апостолу,—повелѣлъ строить домъ подъ эту первую въ Россіи печатню »отъ своея царскія казны«, и не щадилъ денегъ на учрежденіе, которое считалъ лучшимъ и славнѣйшимъ дѣломъ своего царствованія. Основаніе этой первой печатнѣ положено въ 1553 году, но постройка ея длилась цѣлыхъ десять лѣтъ, и первая книга, вышедшая изъ станковъ старѣйшей русской типографіи, носитъ число 19-го апрѣля 1564 года.

Древній печатный дворъ въ Москвѣ.

Послѣсловіе къ первопечатному Апостолу не указываетъ точно, гдѣ устроена была первая русская типографія, принявшая впослѣдствіи названіе »печатнаго двора«; изъ послѣсловія видно лишь, что царь велѣлъ строить особый домъ, но—гдѣ именно, въ какомъ мѣстѣ — объ этомъ Ѳедоровъ не упоминаетъ. Въ документахъ конца XVI вѣка видно, что въ то время, т. е. въ 1599 г., печатный дворъ находился на Никольской улицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается московская синодальная типографія. Эти-же документы указываютъ, впрочемъ, не только на мѣстоположеніе самаго печатнаго двора, но и на примыкавшія къ нему зданія.

Съ одной стороны стояло посольское подворье, которое находилось на дворѣ Бѣлобородa; съ другой-же стороны—Никольскій (съ 1654 г. Греческій) монастырь, рядомъ съ которымъ, по всей Никольской улицѣ, находились торговые ряды, церкви, монастыри, дворы, принадлежавшіе тогдашней знати, и т. д. Помѣщеніе здѣсь типографіи—замѣчаетъ справедливо Румянцевъ — было удобно во многихъ отношеніяхъ: оно было близко къ Кремлю—жилищу царей и первосвятителей, которые всегда съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за изданіемъ святыхъ книгъ и даже по временамъ посѣщали печатный дворъ сами. Кромѣ того, находясь въ средоточіи торговли, помѣщеніе это представляло немаловажныя удобства, какъ для заготовленія и покупки разныхъ типографскихъ матеріаловъ, такъ и для самаго сбыта печатавшихся здѣсь книгъ; эти книги почти до половины XVII вѣка, за неимѣніемъ при самой типографіи книжныхъ лавокъ, обыкновенно развозились по ближайшимъ торговымъ рядамъ Китая и Бѣлаго города и отдавались для розничной продажи торговымъ старостамъ.

Не смотря на двукратные пожары (въ 1626 и 1634 годахъ), московская типографія достигла въ царствованіе Михаила Ѳедоровича такого цвѣтущаго положенія, что, по свидѣтельству самихъ иностранцевъ, могла равняться съ лучшими европейскими учрежденіями этого рода.

О зданіяхъ печатнаго двора, въ теченіе первыхъ 60-ти лѣтъ послѣ его основа-

нія, имѣются очень скудныя свѣдѣнія. По свидѣтельству Флетчера, бывшаго въ Москвѣ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, книгопечатный домъ, вскорѣ послѣ его сооруженія, былъ сожженъ людьми неблагонамѣренными, считавшими книгопечатаніе ересью. Слѣдуетъ полагать, что пожаръ первой типографіи совпалъ съ бѣгствомъ первопечатниковъ. Такъ какъ, однакожъ, вскорѣ послѣ этого бѣгства продолжалось изданіе святыхъ книгъ другими уже печатниками, то слѣдуетъ допустить, что пожаръ былъ не очень большой.

Второй пожаръ печатнаго двора относится ко времени нашествія поляковъ въ 1610 г. Современныя изданія говорятъ объ этомъ пожарѣ слѣдующее: »и таковое доброе дѣло печатный домъ и вся штанба того печатнаго дѣла отъ тѣхъ враговъ и супостасъ разорися и огнемъ пожжена бысть, и погибе до конца, и не остаси ничтоже таковаго орудія«.

При этомъ разореніи погибли и самыя дѣла печатнаго двора за все предшествующее время, которыя могли бы сообщить намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о первоначальной *исторіи типографіи* и ея дома.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, въ первый-же годъ своего воцаренія, поспѣшилъ возобновить прерванное литовскимъ разореніемъ печатаніе святыхъ книгъ. Оно производилось, однакожъ, насколько извѣстно, не на старомъ печатномъ дворѣ, а въ кремлевскомъ царскомъ дворцѣ.

Только въ 1642 году были выстроены на старомъ мѣстѣ новыя каменныя палаты, которыя заключали внутри себя четыре главныя помѣщенія. Въ верхнихъ жильяхъ находились: приказъ и правильня, а внизу — двѣ книгопечатни, каждая съ 4-мя станами.

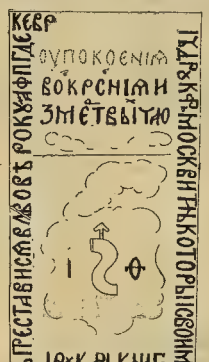
Въ 1656 г. былъ присоединенъ къ типографіи нѣмецкій Вѣлобородовъ дворъ, а стоявшее на немъ каменное строеніе было приспособлено къ помѣщенію книгопечатныхъ мастерскихъ. Въ 1679 были сооружены новыя палаты для правильни и библіотеки.

Правильныя палаты имѣли въ то время особенно важное значеніе: московскій печатный дворъ учрежденъ вѣдь главнымъ образомъ для того, »дабы впредь святыя книги изложилися праведнѣ«, а потому исправленіе ошибокъ играло весьма важную роль, и должность справщиковъ поручена была людямъ »духовнымъ и разумичнымъ, которые подлинно и достохвально извычни книжному ученію и граматику и риторію умѣютъ«.

Помѣщенія для правильни, бывшей средоточіемъ тогдашней учености, были отдѣланы тщательно и изящно, украшены иконами, сплошною посеребряною и расписанною рѣзьбою и т. п.

Въ 1680 г. происходило новоселье новой правильни въ присутствіи патріарха »книжныхъ справщиковъ, и чтецовъ, и подъячихъ, и всякихъ чиновъ мастеровыхъ людей«.

Что касается печатныхъ мастерскихъ, то видъ ихъ въ то время былъ очень представителенъ: въ большихъ, разукрашенныхъ хоромахъ стояли типографскіе станы, состоявшіе изъ двухъ высокихъ деревянныхъ столбовъ съ шатромъ, между которыми помѣщались мѣдныя и желѣзныя печатныя снасти; станы эти были украшены позолоченной рѣзьбою и расписаны дорогими красками съ серебромъ и золотомъ,—какъ это видно изъ отмѣченныхъ въ приходо-расход-



Надгробный камень Ѳедорова.

ныхъ книгахъ того времени расходовъ по разукрашенію типографскихъ становъ. Такія богатыя украшенія, употреблявшіяся тогда при сооруженіи каждаго новаго стана, очевидно совпадали съ понятіемъ того времени о высокомъ значеніи книгопечатанія.

Внѣшняя сторона стараго печатнаго двора во времена Ѳедора Алексѣевича тоже отличалась большой роскошью и изяществомъ, скульптурными украшеніями и т. п. Изъ всѣхъ этихъ украшеній уцѣлѣло лишь очень, очень немного.

Между орнаментами воротъ главное мѣсто занимали двѣ большія фигуры льва и единорога, помѣщенныя въ видѣ герба надъ воротами подъ самымъ фризомъ. Эта эмблема,—служащая представителемъ могущества, славы и вообще воинственныхъ и нравственныхъ доблестей,—была въ древнее время гербомъ государева печатнаго двора, что̀ видно не только изъ ея помѣщенія на воротахъ, но и изъ постояннаго почти употребленія ея на книжныхъ переплетахъ, изготовлявшихся въ самой типографіи. Левъ и единорогъ обыкновенно изображались на книжныхъ переплетахъ въ положеніи борющихся; рогъ единорога воткнутъ въ львиную пасть; надъ обоими—корона съ тремя лепестками. То обстоятельство, что употребленіе этой эмблемы встрѣчается на книжныхъ типографскихъ перепletахъ еще въ XVII вѣкѣ и что совершенно тожественное съ этимъ изображеніе встрѣчается на предметахъ, относящихся именно къ царствованію Ивана Грознаго, какъ-то: на его серебряномъ блюдѣ и на знамени Ермака, заставляетъ думать, что и на печатномъ дворѣ эта эмблема появилась также со временъ его основателя, царя Ивана Васильевича.

Изъ всѣхъ древнихъ зданій печатнаго двора до насъ дошли только палаты, выстроенныя при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ для правильни и библіотеки, и нижній этажъ подъ правильней, оставшійся отъ древнѣйшихъ каменныхъ строеній, возведенныхъ еще до 1629 года.

Послѣ Ѳедора Алексѣевича долгое время не было предпринимаемо никакихъ особенно замѣчательныхъ построекъ на печатномъ дворѣ. Вообще, книгопечатная дѣятельность сильно упала, и еще въ 1724 году, »за неимуществомъ въ казнѣ денегъ«, самое жалованье служащимъ въ типографіи выдавалось книгами. Только съ воцареніемъ императрицы Елисаветы поправились немного дѣла печатнаго двора и пристроено нѣсколько корпусовъ, такъ что въ 1760 году типографскія зданія составили четырехугольникъ съ дворомъ посрединѣ, видимый и теперь.

Впослѣдствіи оказалась неизбѣжною сломка старыхъ зданій печатнаго двора, обнаруживающихъ зловѣщіе признаки близкаго разрушенія. Въ 1810 начата была сломка, а въ 1814 году было выстроено теперешнее передовое зданіе типографіи въ готическомъ вкусѣ.

Л. М. Волковъ.

Надгробный камень Өедорова.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія археологъ Ходаковскій увидалъ въ львовской Онуфріевской церкви, на помостѣ, могильный камень, вѣроятно, перенесенный сюда во время позднѣйшихъ построекъ съ православнаго братскаго кладбища при Онуфревской церкви, т. е. именно съ того кладбища, на которомъ похороненъ былъ въ декабрѣ 1583 года Иванъ Өедоровъ. На поверхности этого продолговатаго, четырехугольнаго камня, посрединѣ между полустертыми надписями, оказался тотъ самый знакъ, который Иванъ Өедоровъ употреблялъ въ своихъ львовскихъ и острожскихъ изданіяхъ: рѣка въ полѣ, по бокамъ которой начальныя буквы Өедорова — I. Ө. Только крестъ, который иногда украшалъ верхнюю часть герба Өедорова въ первопечатныхъ книгахъ, замѣненъ другимъ знакомъ, чѣмъ-то похожимъ на якорь или скорѣе на угольникъ. Этотъ угольникъ помѣщался наверху прямаго столбика. Археологи, разбирая значеніе этого герба, пришли къ заключенію, что этотъ угольникъ, составляющій главное и необходимое орудіе для размѣра, при изготовленіи подвижныхъ книгопечатныхъ буквъ, могъ быть употребленъ здѣсь какъ эмблема типографскаго искусства. На краяхъ камня видна надпись: »*друкаръ москвитинъ которыи своимъ тщаниемъ друковане занедбалое обновилъ преставися в лвовъ року 1583 декебр.... 5....*« Вверху же доски, надъ гербомъ, видны слова:...» *оупокоенія воскресснія из мертвыхъ чаю...* «внизу: .. »*друкаръ книгъ предтымъ невиданыхъ...*«

Въ самое послѣднее время кто-то, — по всей вѣроятности какой-то сѣятель недоразумѣній и смутъ, распространилъ извѣстіе, что во Львовѣ старались эту плиту уничтожить, — стереть съ нея надпись и т. п. Извѣстіе это, насколько можно судить, лишено всякаго основанія, а выдумано какимъ-то досужимъ человѣкомъ. Съ какою цѣлью? — это ему одному останется извѣстнымъ. Мы глубоко убѣждены, что это чистый вымыселъ и будемъ искренне радоваться, если онъ окажется таковымъ.

И. Токмаковъ.

Древнѣйшіе типографскіе термины.

Всѣ древнѣйшіе русскіе типографскіе термины, т. е. названія, встрѣчаемыя какъ въ послѣсловіяхъ къ первопечатнымъ московскимъ книгамъ, такъ и въ архивныхъ документахъ начала XVII вѣка, взяты прямо съ италіянскаго языка и, какъ слѣдуетъ полагать, перешли въ Россію изъ Венеціи, гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, первые наши друкари обучились типографскому искусству.

Бóльшая часть этихъ типографскихъ названій дошла и до нашего времени и, за весьма небольшими исключеніями, находится все еще въ общемъ употребленіи, не будучи замѣнена русскими словами.

И такъ, въ древнихъ книгахъ мы находимъ названіе *тередорщикъ* — равняющееся нынѣ употребляемому названію печатника; такъ какъ по италіянски печатать tiradore, то, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что это названіе »тередорщикъ« перешло къ намъ съ италіянскаго языка. *Батырщикъ*, т. е. набойщикъ или накладчикъ краски на литеры, — происходитъ несомнѣнно отъ италіянскаго battidore; *піанъ* или *пьянъ* — верхняя доска въ печатномъ станкѣ для давленія — отъ piano; *тимпанъ* — четырехъ-угольная рама при станкѣ, которую прежде оклеивали пергаментомъ и на которую накладывается печатающійся листъ — отъ италіянскаго timpano; *фрашкетъ*, которымъ прикрываютъ печатающійся листъ — отъ frascato; *маца* — кожаный, набитый шерстью мѣшочекъ, съ рукоятью для набивки краски на литеры, называется по италіянски одногласно mazza; *марзанъ* — margine; *пунсонъ* — punzone.

Всѣ эти термины встрѣчаются въ смѣтѣ 1612 года и расходныхъ книгахъ такъ называемаго »печатнаго приказа«, начиная съ 1620 года.

Изъ нѣмецкаго языка первые печатники заимствовали одно только слово Drucker, съ происходящимъ отъ него Druckerei, drucken и т. д. И такъ, первые печатники называютъ себя *друкарями* (Өедоровъ, напр., называетъ себя »друкаремъ книгъ предъ тымь невиданыхъ«; а въ концѣ львовскаго Апостола, на оборотѣ 264 листа, »друкаремъ москвитиномъ«). Искусство печатанія называется — *друкарскимъ дѣломъ*. Но одновременно въ послѣсловіи къ московскому Часовнику 1565 года употребляется первопечатниками, для обозначенія книгопечатнаго заведенія, италіянское слово: *штанба* — stampa, которое въ другомъ немного значеніи осталось въ нашихъ техническихъ выраженіяхъ и до сихъ поръ

Эти первые термины, заимствованные изъ италіянскаго языка, имѣютъ, помимо общаго интереса, еще важное значеніе для исторіи возникновенія у насъ печатнаго дѣла: они указываютъ почти точно и несомнительно, гдѣ и у кого научились первые наши печатники своему искуству, ибо слѣдуетъ предполагать, что первые »друкари« привезли вмѣстѣ съ пріобрѣтенными познаніями выраженія и названія для разныхъ инструментовъ книгопечатанія, свойственныя народу, у котораго они изучили новое искусство.

(П. Полевой.)

Гербъ Г. А. Ходкевича, печатаемый на его изданіяхъ.

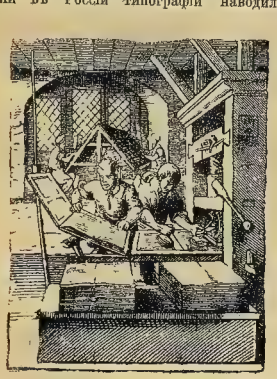
Царь-основатель печатнаго дѣла.

Историкъ нашъ С. М. Соловьевъ совершенно справедливо называетъ вѣкъ Грознаго »вѣкомъ движенія, разнаго рода попытокъ и протестовъ«. Самъ Грозный бралъ на себя иниціативу нѣкоторыхъ подобныхъ протестовъ, обращая, напр., вниманіе духовенства на церковныя и общественныя нестроенія въ той рѣчи, которою онъ открылъ Стоглавый соборъ 1551 г. Въ числѣ »нестроеній« онъ указалъ духовенству на то, что священныя книги подвергаются въ рукахъ невѣжественныхъ писцовъ сильнымъ искаженіямъ, и требовалъ, чтобы изысканы были мѣры къ пресѣченію этого зла. Соборъ занялся обсужденіемъ этого вопроса и пришелъ къ тому, что слѣдуетъ установить извѣстнаго рода надзоръ за переписчиками, поручить этотъ надзоръ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ, а книги неисправно написанныя отбирать даромъ и у продавца, и у покупателя. Но эти полумѣры, которыми старались искоренить и отчасти покарать зло, оказались вскорѣ, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно неисполнимыми на практикѣ. Дѣло въ томъ, что съ конца XV вѣка, когда потребность въ книгахъ стала возрастать, къ письменному труду обратилось множество рукъ. Кромѣ людей грамотныхъ, которые, попрежнему, продолжали заниматься этимъ дѣломъ изъ усердія и любви къ дѣлу, мы встрѣчаемъ въ это время много особыхъ частныхъ »доброписцевъ«, при монастыряхъ, при епископахъ; сверхъ того, въ городахъ является особый классъ писцовъ-промышленниковъ, которые переписывали и богослужебныя, и всякія »книги-четьи«, по найму и заказу, на продажу. Рукописныя книги продавались въ большомъ количествѣ на торжищахъ. Кому-же подъ силу было бы услѣдить за всею этою массою письменнаго матеріала, пересмотрѣть всѣ эти книги — каждую порознь — и во всѣхъ исправить ту нескончаемую массу грубыхъ ошибокъ и описокъ, нечаянныхъ пропусковъ и

преднамѣренныхъ искаженій, которыми всѣ эти скорописныя книги были такъ изобильно переполнены.

И вотъ, когда въ 1553 г. особенно много потребовалось богослужебныхъ книгъ для церквей, воздвигаемыхъ усердіемъ царя въ завоеванномъ имъ Казанскомъ царствѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, царь приказалъ скупать рукописныя книги на торжищахъ. Изъ весьма значительнаго числа купленныхъ книгъ лишь очень немногія оказались годными къ церковному употребленію. Прочія же, по выраженію Максима Грека, были »всѣ растлѣны отъ приписующихъ, ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ«. Предполагаютъ, что именно этотъ случай окончательно навелъ царя Ивана Васильевича на мысль о заведеніи книгопечатанія въ Россіи, хотя есть основаніе думать, что и гораздо ранѣе этого времени на мысль объ учрежденіи въ Россіи типографіи наводилъ

Образчикъ древней книжной заставки.



Одинъ изъ первыхъ печатниковъ.

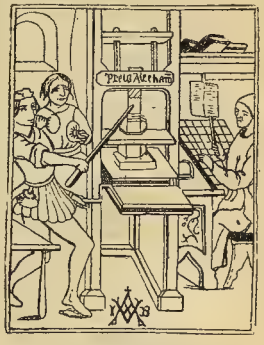
царя Максимъ Грекъ. Святогорскій инокъ, прибывшій въ Москву изъ самаго центра современной европейской цивилизаціи, ясно понимавшій и высоко цѣнившій всѣ преимущества, какія книгопечатаніе доставляло современному европейскому обществу, естественно долженъ былъ горячо ратовать за введеніе въ Россіи этого новаго искусства. Книгопечатаніе Максиму Греку было, очевидно, хорошо извѣстно, потому что, во время своего пребыванія въ Венеціи, онъ былъ даже лично знакомъ съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ типографовъ въ Европѣ — Альдомъ Мануціемъ. »Въ Венеціи« — пишетъ Максимъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — »былъ нѣкій философъ добрѣ хытръ; имя ему Алдусъ, а прозвище Мануціусъ, родомъ Фрязинъ... Я его зналъ и видѣлъ въ Венеціи и къ нему часто хаживалъ книжнымъ дѣломъ«. Сверхъ того, Максимъ Грекъ имѣлъ даже возможность и ссылаться, какъ на подтвержденіе своего мнѣнія о книгопечатаніи, на образцы новаго искусства — на печатныя книги, вывезенныя имъ изъ Венеціи.

Печатный станокъ въ 1520 г.

И вотъ, по словамъ современнаго сказанія о введеніи книгопечатанія въ Россіи, въ томъ-же 1553 году — »царствующему надъ всею Россіею царю и великому князю Іоанну Васильевичу всея Руси вложилъ Богъ въ умъ благую мысль, какъ-бы ему изрядн'ѣе въ Русской землѣ учинить и вѣчную память по себѣ оставить: — произвести-бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія, и споряго дѣланія, и ради легкой цѣны, и ради своей похвалы, и такъ-бы учинить въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всей Россіи, какъ (оно уже учинено) въ Грекахъ и Нѣмецкихъ земляхъ, въ Виниціѣ (въ Венеціи) и во Фрятіи (Фрягіи — Италіи), и въ Бѣлой Руси, и въ Литовской землѣ и въ прочихъ тамошнихъ странахъ, дабы (можно) было всякому православному христіанину праведно и несмутно читать святыя книги и говорить по нимъ, и дабы (можно было) повелѣть испущать (эти печатныя книги) во всю Русскую свою землю«.

По свидѣтельству того-же сказанія, главнѣйшимъ образомъ утвердилъ царя въ намѣреніи завести на Руси книгопечатаніе извѣстный своею обширною начитанностью и трудолюбіемъ митрополитъ Макарій; услыхавъ отъ царя о такомъ благомъ начинаніи, митрополитъ прямо сказалъ, что »эта мысль внушена царю самимъ Богомъ, что это — даръ, свыше сходящій«.

Ободряемый такимъ образомъ въ



Первобытный печатный станокъ.

своемъ благомъ намѣреніи, царь Иванъ Васильевичъ приступилъ, со свойственною ему живостью и энергіею, къ выполненію своего замысла, приказалъ строить особый домъ для помѣщенія типографіи, подыскивать мастеровъ и заводить все необходимое для начала книгопечатанія въ Россіи.

(П. Полевой.)

Печатаніе книгъ 300 лѣтъ тому назадъ.

Чувство безграничной благодарности, которое мы питаемъ въ душѣ къ великому изобрѣтателю искусства книгопечатанія, обязываетъ насъ еще теплѣе отнестись къ человѣку, который въ смутное, темное время взялъ на себя трудъ пересадить это искусство на нашу, русскую почву. Такимъ человѣкомъ былъ діаконъ Иванъ Ѳедоровъ, произведшій съ успѣхомъ, 300 лѣтъ тому назадъ, первый опытъ книгопечатанія въ Москвѣ. Не вдаваясь въ характеристику этого полезнаго русскаго дѣятеля, перенесемся мысленно въ тѣ времена и посмотримъ, на какой ступени развитія находилось современное ему книгопечатаніе.

Первые типографы называли свое дѣло ars impressoria (искусство тисненія), а также — chalcographia (металлописаніе) и лишь въ концѣ XIV ст. — typographia; у насъ же, въ Россіи, — съ начала штанбою, потомъ друкарствомъ. Первыя произведенія новаго искусства во многихъ отношеніяхъ не походятъ на форму книгъ, съ которой мы свыклись. Первоначально старались подражать въ точности существовавшимъ рукописямъ, и потому книги выпускались большею частью въ листовомъ форматѣ и рѣдко въ четверть листа, и печатались сначала гораздо болѣе на пергаментѣ, чѣмъ на бумагѣ. Удобный форматъ въ осьмушку появился лишь въ концѣ XV ст. Впрочемъ, Янсонъ въ Венеціи въ 1473 г. печаталъ уже книги въ самомъ маломъ форматѣ. Мѣсто печатанія и годъ не обозначались въ началѣ книги и лишь иногда помѣщались въ самомъ ея концѣ. Заглавіе появилось лишь въ 1476 г. и было такъ же просто, какъ нынѣшніе такъ называемые шмуцтитулы. До того времени довольствовались обозначеніемъ содержанія сочиненія на первой строкѣ. Точно также не помѣчали страницъ и не обозначали листовъ. Эти помѣтки появились лишь постепенно. Стараясь подражать рукописямъ, первые печатники должны были дѣлать пестрыя и изукрашенныя начальныя буквы и украшенія по краямъ, для чего оставляли пустое мѣсто, которое наполнялось писцами или рисовальщиками (миніаторами). Впрочемъ, уже Шefферъ, превосходно умѣвшій рѣзать буквы и украшенія, печаталъ цвѣтныя начальныя буквы; тѣмъ не менѣе, прошло довольно много времени, пока искусство рѣзьбы на деревѣ не развилось до такой степени, что печатаніе цвѣтныхъ буквъ стало болѣе распространеннымъ.

Такъ какъ книгопечатаніе распадается на двѣ операціи: наборъ и печатаніе, то шрифтъ и станокъ составляютъ двѣ главнѣйшія части типографіи.

Займемся сперва шрифтомъ. Первые типографы имѣли въ виду только самое точное подражаніе употребляемымъ тогда рукописнымъ буквамъ. Послѣднія состояли обыкновенно изъ такъ называемаго монашескаго шрифта, некрасиваго, угловатаго, со множествомъ знаковъ и сокращеній. Судя по этому, рѣщикамъ шрифта представлялись трудности особенно потому, что различныя сокращенія и соединенія буквъ требовали гораздо большаго числа типовъ, нежели въ настоящее время. Уже Шефферъ въ своей знаменитой Псалтири придалъ готическому шрифту высокую степень совершенства и даже красоты; но ему подражали немногіе, потому что сперва заботились только объ уменьшеніи буквъ, чтобы сдѣлать ихъ такимъ образомъ болѣе удобными для книги. При этомъ, конечно, трудностей рѣзьбы и отливки было гораздо больше.

Въ Италіи первые печатники нашли въ тамошнихъ рукописяхъ болѣе изящные образчики для шрифта, именно болѣе прямыя латинскія буквы (антиква), — однако, не совершенно свободныя отъ готическихъ составныхъ частей. Шрифтъ этотъ весьма скоро распространился по Италіи и Франціи и отчасти по Германіи. Затѣмъ настала пора, когда опять всѣ принялись печатать готическимъ шрифтомъ, и лишь Альдини въ Венеціи, которые изобрѣли и ввели курсивный шрифтъ, очистили и улучшили антикву и содѣйствовали улучшенію книгопечатанія красивыми изданіями, послѣ чего антиква водворилась въ романскихъ странахъ. Дальнѣйшее улучшеніе латинскаго шрифта совершилось въ прошломъ столѣтіи въ Англіи и Франціи.

Переходя затѣмъ къ станку, слѣдуетъ замѣтить, что для устройства первоначальнаго печатнаго станка послужилъ моделью, какъ надо полагать, бумажный прессъ. Станокъ состоялъ изъ двухъ вертикальныхъ балокъ, соединенныхъ вверху горизонтальною балкою; немного ниже помѣщалась другая горизонтальная балка, а сквозь нее проходилъ толстый деревянный винтъ, внизу котораго находился тигель; къ винту прикрѣплялась деревянная рукоять. Посредствомъ этой рукояти винтъ приводился въ быстрое вращеніе; нажималъ на тигель, и послѣдній, опускаясь на форму, производилъ оттискъ. Печатная форма помѣщалась на подвижномъ фундаментѣ и укрѣплялась на немъ такимъ образомъ, что когда фундаментъ вдвигался въ станокъ, нажимъ тигеля на форму производился вполнѣ равномѣрно. Натискъ при первыхъ станкахъ производился посредствомъ винта. Форму двигали или катили подъ такъ называемый піанъ; получивъ оттискъ, винтъ отвертывали, форму выдвигали и такимъ образомъ печатали. Такого рода станы употребляли до 1620 г., когда Вильгельмъ Янсенъ Блей въ Амстердамѣ устроилъ станокъ, при которомъ форма подводилась на талерѣ подъ піанъ посредствомъ рукояти. Вообще, старинный печатный станокъ былъ грубаго, незатѣйливаго устройства, но мастеръ удивительно приспособлялся къ нему; работая медленно, но аккуратно, онъ просто производилъ чудеса. По свидѣтельству людей вполнѣ компетентныхъ, первая отпечатанная книга, Библія, начатая печатаніемъ въ 1450 г. и оконченная въ 1455 г., носитъ на себѣ отпечатокъ вполнѣ образцоваго исполненія.

Для первоначальныхъ оттисковъ, воспроизводимыхъ съ деревянныхъ табличекъ, употреблялась коричневая земляная краска; но съ изобрѣтеніемъ печатнаго станка такая краска, какъ видно, оказалась неудобною, потому что уже съ 1473 г. мы встрѣчаемъ черную краску, приготовленную изъ льняного масла, скипидара, смолы марказита (сѣрый колчеданъ), киновари, лака, селитры и шеллака. Въ настоящее время для приготовленія краски существуютъ особыя заведенія; прежде же этимъ занимались сами печатники, и фабрикація краски, въ виду преимущественной воспламеняемости ея составныхъ частей, дозволялась лишь съ соблюденіемъ всѣхъ условій предосторожности, и притомъ не иначе какъ внѣ города.

Вотъ въ какомъ положеніи засталъ книгопечатаніе нашъ первый печатный мастеръ, Иванъ Ѳедоровъ, триста лѣтъ назадъ. Затѣмъ, при возрожденіи наукъ и искусствъ, пробудилась техническая дѣятельность, явилось разнообразіе шрифтовъ, примѣнился къ книгопечатному дѣлу паръ и, благодаря дружнымъ усиліямъ различныхъ типографовъ, книгопечатаніе постепенно шагало впередъ и въ послѣднее время дошло до высочайшей степени совершенства, такъ что нерѣдко является вопросъ: возможно-ли въ типографскомъ дѣлѣ дѣлать еще какія-либо улучшенія и усовершенствованія, и не достигнута-ли уже послѣдняя граница этихъ усовершенствованій?

Вл. Фокинъ.

Хронологическая таблица начала книгопечатанія въ Россіи (изъ „Сборника памятниковъ, относящихся до книгопечатанія").

Книжная келья XV вѣка.

Перенесемся мыслью въ семидесятые или восьмидесятые годы XV вѣка, — того самаго вѣка, который исторія, въ память дивнаго изобрѣтенія, отмѣтила названіемъ *типографскаго*. Постараемся войти въ одну изъ тѣхъ заповѣдныхъ келій, гдѣ въ средніе вѣка сосредоточивалась вся книжная дѣятельность, т. е. гдѣ люди проводили годы, десятки лѣтъ, цѣлую жизнь въ списываніи рукописей. Постучимся для этого у дверей какого-нибудь бенедиктинскаго монастыря, давшаго у себя пріютъ труженикамъ науки, — хоть, напримѣръ, у обители Честнаго и Животворящаго Креста, что на горѣ Кальварійской въ бывшемъ палатинатѣ Сендомирскомъ, или у обители Гроба Господня въ Міоховѣ. — Мы знаемъ, что въ этихъ монастыряхъ усердно собираютъ книжныя сокровища, на что случайно у насъ есть подъ рукою и живыя доказательства.

Весь монастырь въ движеніи. Братъ *крестофоръ*, по имени Андрей, сейчасъ воротился изъ Пржеворска, въ Галиціи, съ грузомъ накупленныхъ имъ книгъ, да и какихъ книгъ? неписанныхъ или, лучше сказать, нерукописныхъ!

Ударомъ въ колоколъ созвали братію; монастырскіе слуги, задыхаясь подъ тяжелою ношею, вносятъ огромные фоліанты и бережно раскладываютъ ихъ по столамъ. Монахи тѣснятся вокругъ новыхъ своихъ сокровищъ, съ удивленіемъ посматриваютъ другъ на друга и перешептываются. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не пустая молва прошла недавно въ народѣ о какихъ-то нѣмецкихъ чудодѣяхъ, которые пишутъ книги *безъ пера?* — Старый ученый настоятель, посмѣиваясь, раскрылъ пару изъ привезенныхъ томовъ. Дѣйствительно, въ одномъ изъ нихъ приписано: »absque calami exaratione sic effigiatus« (безъ пера начертанный); въ другомъ: »manu stannea« (оловянною рукою). И все это совершено не дѣйствіемъ нечистой силы, путемъ естественнымъ, не богопротивнымъ!

Принялись подробнѣе осматривать дивную покупку. И вотъ, передъ братіею открываются: Гутенбергова библія и служебникъ, напечатанный однимъ съ нею шрифтомъ, собственно для ихъ краковской эпархіи; оба Фаустовы Псалтиря 1457 и 1459 годовъ, съ великолѣпными заглавными буквами; творенія Цицерона: »О должностяхъ« (De officiis); Юстиніановы институты 1468 года, гдѣ Шеферъ величаетъ Фауста съ Гутенбергомъ »знаменитыми первопечатниками книгъ« (librorum insignes protocharagmaticos); Граціановъ Декретъ 1472 года, мастерское произведеніе Шеффера, и, наконецъ, около того-же времени не въ Германіи, но уже въ родномъ Краковѣ напечатанный *ко-*

чевымъ типографомъ Гюнтеромъ Зайнеромъ Торквемадовъ Толковый Псалтырь.

При видѣ такихъ чудесъ, не одна рука, которую перѣдко уже сводила судорога отъ нѣчнаго переписыванія, поднялась, въ избыткѣ благодарности, ради крестнаго знаменія.

По всѣмъ за первыми повгласами удивленія и радости родился вопросъ: гдѣ отвести мѣсто, не только достойное, но и достаточное для такихъ сокровищъ? Вопросъ этотъ представился весьма естественно, если вспомнить, что нѣ тѣ времена за рукописнаго Тита Ливія давали на обмѣнъ виллу подъ Флоренціею, и такимъ образомъ монастырь, обладавшій десятькомъ или дюжиною подобныхъ многоцѣнныхъ рукописей, считался очень богатымъ: эти рукописи безпрестанно списывались и продавались, самые-же подлинники могли смиренно умѣщаться на одной, много двухъ полкахъ монастырскаго архива. Но теперь было иное. Исполинскіе первенцы новоизобрѣтеннаго искусства сами требовали большаго пространства, и притомъ наѣрное можно было ожидать, что за ними быстро появятся многіе другіе. Гдѣ-же, толковала прозорь себѣ братія, лучше помѣстить ихъ, какъ не въ настоятельской молельнѣ, самой извѣстной изъ всѣхъ монастырскихъ келій? старый настоятель, вслушавшись въ толки монаховъ, самъ охотно предложилъ уступить ее для принятія дорогихъ гостей. Эта молельня была довольно просторною комнатою, которой крестчатые своды, богато и пестро расписанные, опирались на группу изъ четырехъ колоннъ, стоящую въ срединѣ комнаты; таинственный полусвѣтъ проникалъ въ храмину сквозь цвѣтныя стекла стрѣльчатыхъ оконъ. Въ монастырскомъ архивѣ были для разныхъ потребъ массивные крѣпкіе шкафы, изъ толстыхъ досокъ, съ выдающимися верхами, опертыми на витые столбики, и съ выдвижными внизу ящиками; эти шкафы пригодились при новомъ устройствѣ молельни. Къ нимъ прибавили нѣсколько столовъ, сдѣланныхъ покрѣпче ради тяжести фоліантовъ, нѣсколько креселъ, скамей, а для письменныхъ занятій аналой со шкафчикомъ наверху, по образцу тѣхъ, которые можно видѣть на самыхъ старинныхъ изображеніяхъ Св. Іеронима; не забыли, наконецъ, и особаго поставца, чтобы по тогдашнему обычаю приковать къ нему цѣпями нѣкоторыя книги, нужныя для ежедневнаго обихода.

И устроилась такимъ образомъ первая монастырская *книгоположница*, или *книжница* (»Büchercei« какъ говорили тогда нѣмцы)—колыбель будущей знаменитой монастырской библіотеки.

Протекли вѣка; все умерло, все покрылось пепломъ забвенія, и новая жизнь выгѣснила старую; лишь весьма рѣдко встрѣчаются теперь въ Европѣ подобныя монастырскія книжницы въ первобытномъ ихъ видѣ. По мѣрѣ расширенія области человѣческихъ знаній и по самому своему назначенію, всѣ онѣ влились въ составъ большихъ государственныхъ книгохранилищъ и поступились своеобразными формами старины—новѣйшей архитектурѣ. Но невравнодушно истинный любитель книгъ переступитъ черезъ порогъ такого прототипа нынѣшнихъ библіотекъ и посреди стѣнъ его наявное съ благоговѣйною признательностію помянетъ давноминувшія времена *типографскаго* вѣка!

Едвали придетъ кому-нибудь на мысль, чтобы въ нашей сѣверной столицѣ, въ этомъ молодомъ Петербургѣ, могла найтись такая старинная книжница, во всей строгости средневѣковаго стиля. А между тѣмъ оно такъ есть! Главная изъ составныхъ ея частей находится здѣсь еще со времевъ императрицы Екатерины II, именно—книги, и притомъ тѣ самыя книги, которыя братъ крестофоръ Андрей купилъ, четыреста лѣтъ тому назадъ, въ Пржеворскѣ (это видно изъ собственноручныхъ его на нихъ отмѣтокъ), тѣ самыя, которымъ дивилась тогда монастырская братія на Кальварійской горѣ и въ Міоховѣ. Онѣ, съ тысячами подобныхъ имъ, не включая въ это число пріобрѣтенныхъ нашимъ правительствомъ еще впослѣдствіи, другимъ путями, были переброшены къ намъ съ первоначальнаго мѣста ихъ хранснія военными бурями. Недавно перенеслась въ Петербургъ, къ старинвымъ своимъ жильцамъ, и монастырская келья, первобыт-

Залъ инкунабуловъ (колыбельныхъ произведеній типографскаго искусства) въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Гос. Историч. Музей Библиотека РСФСР
Инвент. №

(колыбельныя произведенія типографическаго искусства), и далѣе: »Johannis Guttenbergi Moguntini inventoris nomen perire nequit« (имя изобрѣтателя Іоганна Гутенберга, родомъ изъ Майнца, да не прейдетъ во вѣки). Словомъ, старинная монастырская книжница снова вполнѣ возстановлена, если и *не на томъ же самомъ мѣстѣ*, гдѣ она была прежде, то, по крайней мѣрѣ, *въ томъ же самомъ видѣ*.

Вы, можетъ быть, подумаете, что все это мнѣ приснилось. Идите въ Императорскую Публичную Библіотеку и посмотрите.

(Р. Минцловъ.)

Первенецъ русской печати

Перваго марта 1564 года вышла первая въ Великой Руси *печатная* книга: *Дѣянія апостольска и посланія соборная и святаго апостола Павла посланія*.

Апостолъ напечатанъ на клееной бумагѣ въ листъ малаго формата на 267 листахъ. Первые 6 листовъ оставлены безъ помѣты; на нихъ помѣщены статьи, предшествующія священному тексту. Затѣмъ 7-й листъ, на которомъ напечатано: »Сказаніе Дѣяній«, помѣченъ первымъ; слѣдующій за нимъ листъ, съ изображеніемъ на оборотѣ евангелиста Луки, оставленъ безъ помѣты, а потомъ, съ 3-го листа, въ лицѣ котораго начинаются »Дѣянія«, идетъ непрерывная помѣта листовъ числительными славянскими буквами, поставленными внизу, подъ правымъ угломъ лицевыхъ страницъ. На листахъ 3—227 помѣщаются Дѣянія и потомъ Посланія Соборныя и Апостола Павла, предшествуемыя главами (оглавленіями) и сказаніями (изложеніемъ содержанія). Съ листа 228-го начинаются прибавочныя статьи къ священному тексту (Сказаніе зачаламъ и прокимнамъ и Соборникъ), а на послѣднихъ двухъ листахъ находится послѣсловіе, оканчивающееся въ лицѣ 261-го листа. Ошибочная помѣта встрѣчается на листахъ: 105-мъ, который помѣченъ 106,-мъ листъ 117-й помѣченъ 120-мъ; листъ 205-й помѣченъ 2.4-мъ.

Вся книга напечатана азбукой одной мѣры и одного рисунка. Эта азбука взята съ крупнаго полууставнаго письма XVI вѣка, для котораго тогдашніе доброписцы обыкновенно употребляли перья лебединыя. Ея строчныя буквы толсты, слегка изогнуты и наклонены вправо, прямолинейныя же книзу нѣсколько шире. Буквы прописныя (которыя слѣдуетъ отличать отъ начальныхъ или фигурныхъ, принадлежащихъ къ украшеніямъ) вдвое болѣе строчныхъ; своею верхнею частью онѣ стоятъ почти наравнѣ съ строчными, и потому подошва ихъ должна выходить изъ строки внизъ. Не смотря на пестроту, причиняемую множествомъ надстрочныхъ знаковъ и сокращеній первопечатная азбука четка и даже красива. Буквы ея соразмѣрны одна другой, толстыя и тонкія черты въ нихъ одной мѣры. Наконецъ, благодаря правильной отливкѣ, всѣ эти буквы имѣютъ въ бокахъ равномѣрное одна отъ другой разстояніе и вездѣ составляютъ ровную, прямую строку.

По примѣру рукописей и для бо́льшаго удобства въ чтеніи, при печатаніи Апостола вмѣстѣ съ чернилами употреблена и киноварь. Ею напечатаны оглавленія и прибавочныя въ концѣ статей строки, а внутри текста — прописныя буквы и заступающія ихъ мѣсто строчныя, также вставки и другія подраздѣленія текста. Кромѣ того, большое количество киноварныхъ буквъ и строкъ встрѣчается также около текста на поляхъ. Иногда киноварныя строки начинаются черными буквами.

Полная страница текста вездѣ состоитъ изъ 25-ти строкъ. Прописныя буквы и замѣняющія ихъ строчныя киноварныя въ тѣхъ случаяхъ, когда ими начинается строка, обыкновенно выдаются на поле. Вводныя мѣста изъ другихъ священныхъ книгъ (такъ называемыя »свидѣтельства«) почти вездѣ отличены на большомъ полѣ ковычками. Предрѣчій или кустодовъ внизу страницъ нѣтъ. При заключеніи большей части статей строки, постепенно укорачиваясь, образуютъ нисходящій уголъ, который заканчивается точкою. Иногда въ концѣ статей поставленъ черный или киноварный крестикъ; на оборотѣ 54-го листа, въ концѣ главы »Іяковля посланія«, встрѣчаются на большомъ полѣ даже четыре киноварныхъ крестика.

Какъ въ письмѣ, такъ и въ печати считается и до сихъ поръ некрасивымъ печатать отдѣльную статью на оборотѣ страницы; поэтому въ первопечатномъ Апостолѣ всѣ оборотныя страницы предъ началомъ статей всегда представляютъ болѣе или менѣе значительный пробѣлъ внизу. Нѣкоторыя изъ такихъ страницъ остаются даже совсѣмъ бѣлыми.

Около текста на поляхъ помѣщаются:

1. *Страничныя оглавленія статей*, напечатанныя киноварью; они находятся вверху надъ страницами, но только не вездѣ.

2. *Знаменанія*, или означенія числительными буквами древнихъ главъ текста и ихъ подраздѣленій; буквы эти стоятъ на большомъ полѣ; черныя указываютъ на главы, а киноварныя — на ихъ подраздѣленія.

3. *Счетъ зачалъ*, вездѣ киноварный; онъ находится также на большомъ полѣ.

4. *Самыя зачала* или *начальныя слова церковныхъ чтеній*, съ указаніемъ дней и случаевъ, которымъ они присвоены. Зачала помѣщаются на верхнемъ или нижнемъ полѣ, большею частію смотря потому, гдѣ они приходятся въ текстѣ — на верхней или нижней половинѣ страницы.

5. *Дни седмицы*, означающіе предѣлы домашнихъ или келейныхъ чтеній на каждый день недѣли. Эти дни напечатаны на большомъ полѣ киноварью, въ черныхъ очертаніяхъ, имѣющихъ видъ цвѣтка съ четырьмя полукруглыми лепестками и съ крестикомъ вверху.

Первопечатный наборъ имѣетъ весьма важный недостатокъ, состоящій въ несоразмѣрности пробѣловъ или промежутковъ, отдѣляющихъ одно слово отъ другаго. Часто встрѣчается по нѣскольку словъ, напечатанныхъ даже безъ всякихъ раздѣленій. Впрочемъ, должно сказать, что этотъ недостатокъ выкупается очень многими достоинствами, которыми не всегда отличаются и послѣдующія изданія. Наборъ вообще сверстанъ чрезвычайно тщательно; страницы и строки вездѣ представляютъ безукоризненно прямыя линіи; приводка киноварныхъ буквъ и строкъ къ чернильнымъ, за очень рѣдкими исключеніями, весьма исправна; тискъ на всѣхъ страницахъ равномѣренъ и притомъ легокъ. Такъ печатаются теперь только типографскіе образцы.

Въ подражаніе церковнымъ рукописямъ того времени, Апостолъ печатанъ съ украшеніями, которыя оттиснуты съ рѣзныхъ обронныхъ досокъ. Къ украшеніямъ принадлежатъ:

1. *Вязь* — узковатыя киноварныя слова, которыми напечатаны въ Апостолѣ заглавія Дѣяній, Посланій и сказанія зачаламъ. Въ заглавіяхъ сказанія Дѣяній и Соборника также находятся крупныя киноварныя строки, подобныя вязи.

2. *Начальныя буквы* бо́льшаго или ме́ньшаго размѣра. Первыя вышиною въ 6 и 7 строкъ, вездѣ черныя и травчатыя, одинаковаго рисунка съ заставицами, стоятъ въ началѣ Дѣяній и каждаго изъ Посланій. Буквы ме́ньшаго размѣра узкія и продолговатыя, съ фигурными хвостиками, вездѣ киноварныя, находятся въ началѣ сказаній и послѣсловія.

3. *Заставицы*, т. е. украшенія, которыя ставятъ во главу набора; онѣ также вездѣ раздѣляются на большія и малыя. Большія помѣщены надъ заглавіями Дѣяній, Посланій и сказанія за-

Цари-покровители печатнаго дѣла: Иванъ Грозный, основатель первой русской типографіи.

чаламъ; малыя—надъ сказаніями, началомъ Велицей Четыредесятницы, Соборникомъ и послѣсловіемъ. Заставицы первопечатнаго Апостола по своему рисунку рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ русскихъ рукописныхъ книгахъ, древнѣйшихъ и даже современныхъ Апостолу. Въ этихъ рукописяхъ, за немногими исключеніями, видно полное господство орнамента византійскаго: его мотивами почти исключительно пользовались тогдашніе наши доброписцы при составленіи книжныхъ украшеній; иногда они даже прямо копировали роскошныя заставицы и начальныя буквы съ греческихъ рукописей. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ XVI вѣка начинаетъ уже проглядывать въ украшеніяхъ вліяніе западнаго вкуса; такъ, въ рукописномъ Апостолѣ XVI вѣка, хранящемся въ московской синодальной библіотекѣ, среди византійскихъ орнаментовъ, травы *фряжскія*, одного рисунка съ первопечатными заставками. Въ первопечатныхъ нашихъ книгахъ вся уже орнаментовка — чисто фряжская, — очевидно, пришедшая къ намъ вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ изъ Италіи. Такъ, рамка, въ которой помѣщено въ первопечатномъ Апостолѣ изображеніе евангелиста Луки, состоитъ изъ орнаментовъ въ стилѣ »Возрожденія«, распространявшемся тогда изъ Италіи. Равнымъ образомъ заставки и фигурныя буквы того же Апостола, представляя на черномъ фонѣ древесныя вѣтви съ крупными изгибающимися листьями, цвѣтами и плодами, имѣютъ рѣшительное сходство съ архитектурными украшеніями дома La Trémoille въ Парижѣ, построеннаго въ XVI вѣкѣ италіянскимъ архитекторомъ, и видимо принадлежатъ къ одному съ ними стилю, который составляетъ переходъ отъ Готики къ Возрожденію. Родиною этого стиля была въ началѣ XVI вѣка также Италія.

4. Лицовое изображеніе евангелиста Луки. Оно рѣзано на деревѣ или на оловѣ. Въ XVII вѣкѣ подобныя изображенія вырѣзывались для печатанія какъ на грушевыхъ, такъ и на оловянныхъ доскахъ. Изображеніе помѣщено въ рамкѣ (о которой упомянуто выше), состоящей изъ полукруглой арки на двухъ колонкахъ. Евангелистъ Лука сидитъ на скамьѣ; наклонился въ правую отъ зрителя сторону; въ рукахъ, повидимому, книга; передъ нимъ столикъ, на которомъ находится чернильница съ перомъ и развернутый свитокъ со словами: »первое убо слово«; наверху, надъ головою также свитокъ съ надписаніемъ: ОЛѠ ЛУКА, Около головы, вмѣсто круглаго вѣнца, обведеннаго, какъ на иконахъ, чертою—сіяніе. Видно, что это изображеніе и окружающая его обстановка вырѣзаны съ византійскаго рисунка, но иностраннымъ и, вѣроятно, фряжскимъ граверомъ, весьма, впрочемъ, невысокаго достоинства. Въ послѣдующимъ московскихъ изданіяхъ это изображеніе не повторяется: оно замѣнилось изображеніями чисто иконнаго пошиба. Что касается рамки, то она была вывезена Иваномъ Ѳедоровымъ въ Литву и употреблялась имъ при печатаніи книгъ во Львовѣ и Острогѣ.

(В. Е. Румянцовъ.)

Цари-покровители печатнаго дѣла: Петръ Великій, изобрѣтатель гражданскаго шрифта.

Острожская Библія.

Достопамятная въ исторіи славяно-русскаго просвѣщенія и книгопечатанія, острожская Библія, изданіе которой предпринято было княземъ Константиномъ Острожскимъ, съ цѣлью оставить послѣ себя православному міру »нѣкоторое дарованіе духовное«, и имѣющая чрезвычайно важное значеніе въ распространеніи православія на югѣ Россіи,—напечатана въ 1580 году первымъ изданіемъ, а въ слѣдующимъ затѣмъ 1582 году вторымъ изданіемъ.

Важный этотъ памятникъ въ исторіи дѣятельности Ивана Ѳедорова напечатанъ въ листъ. Первые 8 полулистовъ, оставленные безъ помѣты, заключаютъ въ себѣ: а) заглавіе книги, напечатанное киноварью и чернилами помѣщенное въ той самой рамкѣ, которая окружаетъ изображенія евангелиста Луки въ московскомъ и львовскомъ Апостолахъ; б) гербъ князя Острожскаго; окруженный стихами въ 6-ти куплетахъ; в) два предисловія съ стихами въ концѣ: первое на греческомъ и славянскомъ языкахъ отъ князя Острожскаго, второе—на одномъ славянскомъ отъ Герасима Даниловича и г) оглавленіе книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Затѣмъ на помѣченныхъ листахъ 1—276 перваго счета находятся историческія книги Ветхаго Завѣта, начиная съ книги Бытія и окончивая книгою Іова; на листахъ 1—180 втораго счета—книги пророческія и учительныя, начиная съ Псалтири и до пророчества Малахіи включительно; на 1—30 листахъ третьяго счета—три книги Маккавейскія; на 1—56 листахъ четвертаго счета—четыре Евангелія; на 1—78 листахъ пятаго счета—остальныя новозавѣтныя книги, Соборникъ или мѣсяцесловъ и показаніе зачалъ. На послѣднемъ листѣ пятаго счета—напечатано послѣсловіе Ивана Ѳедоровича, знакъ типографа и выходъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Текстъ раздѣленъ на два столбца, по 50 строкъ на страницѣ, и украшенъ черными заставками, находящимися надъ оглавленіями библейскихъ книгъ, фигурными буквами въ началѣ главъ и узелками въ концѣ статей. Киноварь употреблена преимущественно въ мѣсяцесловѣ и показаніи зачалъ; въ самой Библіи ею напечатаны только оглавленія книгъ: Бытія, Псалтири, Евангелія отъ Матѳея и Дѣяній, также первыя три строки и внизу цвѣтки на заглавномъ листѣ.

Въ острожской Библіи встрѣчается шесть различныхъ шрифтовъ, а именно: 1) мелкій славянскій основной шрифтъ, которымъ напечатана вся книга; и 2) такой-же мѣры греческій, употребленный въ первомъ предисловіи; 3) славянскій, почти вдвое болѣе мелкій противъ предшествующаго; 4) такой-же греческій (эти шрифты встрѣчаются только въ выходѣ, помѣщенномъ въ самомъ концѣ книги, а славянскій, сверхъ того, въ стихахъ, окружающихъ гербъ князя Острожскаго на оборотѣ заглавнаго листа, и въ выноскахъ, находящихся на поляхъ библейскаго текста); 5) московскій первопечатный, видимый въ черныхъ строкахъ на заглавномъ листѣ, также въ страничныхъ оглавленіяхъ (titre courant) библейскихъ книгъ и мѣсяцеслова; наконецъ, 6) крупный уставный шрифтъ, заимствованный

изъ виленской типографіи Мамоничей. Этотъ шрифтъ въ острожской Библіи употребленъ только въ заглавномъ листѣ, на 2-й и 3-й киноварныхъ строкахъ, и въ началѣ 2-го предисловія; впослѣдствіи онъ принесенъ былъ А. М. Радишевскимъ въ Москву.

По красотѣ шрифтовъ, по чистотѣ и изяществу типографской отдѣлки острожская Библія не уступаетъ лучшимъ изданіямъ европейскихъ типографій того времени. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что не все типографское исполненіе острожской Библіи, въ полномъ смыслѣ этого слова, составляетъ трудъ Ѳедорова: имъ самимъ были изготовлены и отлиты всѣ шрифты и украшенія, помѣщенные въ этомъ изданіи. Князь Острожскій посвятилъ это изданіе »Величеству Божію« (»Величеству неизреченна славы Твоея сіе дѣло преллагаю«).

Спустя 80 лѣтъ, острожская Библія послужила оригиналомъ и образцомъ въ типографскомъ отношеніи при печатаніи первой Библіи въ Москвѣ, въ 1663 году.

Кто былъ первымъ печатникомъ на Руси.

Принадлежитъ-ли честь званія россійскаго Гутенберга всецѣло и исключительно Ивану Ѳедорову? Существуютъ-ли несомнѣнныя данныя, что первымъ русскимъ печатникомъ и основателемъ печатнаго дѣла на Руси былъ именно Ѳедоровъ?

На эти вопросы русскіе историки даютъ разногласные отвѣты. Извѣстный библіографъ *Строевъ* прямо даже говоритъ, »что честь россійскаго Гутенберга принадлежитъ датчанину Іоганну Богбиндеру«; подъ его, будто-бы, надзоромъ въ 1564 г. вышла изъ московской книгопечатни первая книга; Ѳедорова же называетъ Строевъ только »сотрудникомъ« Богбиндера. *Карамзинъ* же утверждаетъ, что еще въ царствованіе Владиміра Великаго его придворный врачъ половецъ Смера печаталъ свои письма литерами, сдѣланными изъ желѣза. *Погодинъ* приводитъ по старымъ лѣтописямъ фактъ, что еще 1547 г. было поручено отъ русскаго правительства саксонцу Шлитту пріискать въ Германіи способныхъ людей для различныхъ искусствъ и, между прочимъ, для книжнаго дѣла; хотя это порученіе не состоялось вслѣдствіе препятствій, поставленныхъ изъ ревности Ливонскимъ орденомъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ допустить, что многіе мастера попали, все-таки, въ Россію и могло легко случиться, что между ними были свѣдущіе въ книгопечатномъ дѣлѣ. Англійскій посланникъ *Флетчеръ*, жившій въ Москвѣ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, говоритъ, что Великая Русь обязана своимъ книгопечатаніемъ Польшѣ, откуда, по его словамъ, были привезены въ Москву типографскій станокъ и литеры. Относительно этого послѣдняго извѣстія замѣчаетъ *Румянцовъ*, что если и были привезены сюда изъ Польши типографскія литеры, то не этими литерами чужеземнаго изготовленія печатаны первыя московскія изданія, такъ какъ по строгой выдержанности и чистотѣ московскаго пошиба во всѣхъ буквахъ и знакахъ первопечатной русской азбуки видно, что для нихъ пунсоны сдѣланы въ Москвѣ рукою русскаго мастера и, вѣроятно, Ивана Ѳедоровича. Иностранная рѣзьба русскихъ буквъ непремѣнно обличила бы себя какими-нибудь уклоненіями отъ здѣшняго типа.

Цари-покровители печатнаго дѣла: Екатерина II, основательница вольныхъ типографій.

Соловьевъ упоминаетъ о какомъ-то мастерѣ печатныхъ дѣлъ, Марушѣ Нефедьевѣ, который, будто бы, раньше Ѳедорова занялся печатнымъ дѣломъ, но и этотъ мастеръ оказывается не болѣе какъ однимъ изъ тѣхъ »клевретниковъ« (по современному названію), которые помогали Ивану Ѳедорову съ товарищемъ. *»Снегиревъ* въ »Русскомъ Историческомъ Сборникѣ« (ч. IV кн. 1) упоминаетъ о письмѣ царя Ивана Васильевича къ датскому королю Христіану III 5510 года, которымъ царь, будто бы, проситъ его о доставленіи въ Москву разныхъ художниковъ, особенно книгопечатниковъ, что король и обѣщалъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакого извѣстія объ этомъ письмѣ; но извѣстно, что въ маѣ 1552 г. присланъ въ Россію изъ Даніи Гансъ Миссенгеймъ или Гансъ Богбиндеръ съ цѣлью распространенія лютеранства. Этотъ Богбиндеръ привезъ, дѣйствительно, съ собою двѣ печатныя книги и Библію и, какъ значилось въ грамотѣ, долженъ былъ перевести ихъ на русскій языкъ и *напечатать* въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Никакихъ другихъ свѣдѣній о пребываніи Богбиндера въ Россіи не имѣется, а содержаніе грамоты

указываетъ, что цѣль пріѣзда Богбиндера состояло лишь въ томъ, чтобы склонить царя принять лютеранскую вѣру; книгопечатаніе же указано какъ средство къ скорѣйшему распространенію этой вѣры. Хотя не имѣется историческихъ документовъ, какой отвѣтъ былъ данъ послу, но, конечно, предложеніе могло быть только опровергнуто, тѣмъ болѣе что, по справедливому замѣчанію *Соловьева*, невѣроятно, чтобы царь поручилъ устроеніе типографіи человѣку, присланному явно съ цѣлью распространенія протестантизма. Участіе Миссенгейма въ устройствѣ московской типографіи опровергается, впрочемъ, и самими первопечатниками, которые въ послѣсловіи къ Апостолу прямо говорятъ, что дѣятелями по устройству книгопечатанія съ самаго начала были только они одни: Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ. Еслибы Миссенгеймъ принималъ какое-либо участіе въ первопечатныхъ книгахъ, то, несомнѣнно, имя его было-бы упомянуто въ послѣсловіи рядомъ съ именами Ѳедорова и Тимоѳеева.

Такимъ образомъ, является несомнѣнное убѣжденіе, что Иванъ Ѳедоровъ не имѣлъ въ Россіи предшественниковъ и что онъ, именно онъ, не кто другой, былъ *первымъ типографомъ на Руси*.

Является теперь вопросъ: гдѣ и какъ научился Ѳедоровъ своему искусству? кто были его учители? гдѣ пріобрѣлъ онъ свои познанія — въ Москвѣ, отъ пріѣзжихъ мастеровъ, или за границею? На этотъ вопросъ не даютъ отвѣта ни »послѣсловія« Ѳедорова, заключающія въ себѣ много подробностей для біографіи первопечатника, — ни современныя лѣтописи. Только въ сказаніяхъ »о воображеніи книгъ печатнаго дѣла«, составленныхъ, судя по ихъ содержанію, въ половинѣ XVII вѣка, упоминается, что въ это время, т. е. въ половинѣ XVII вѣка, нѣкоторые говорили, что первые московскіе мастера, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, научились своему искусству у фряговъ (т. е. италіянцевъ); другіе же разсказывали, что нѣкоторые изъ русскихъ людей еще прежде нихъ — или даже, быть можетъ, и сами эти мастера — сначала печатали книги нѣкоторыми малыми и неискусными начертаніями, а потомъ выучились печатать искусно у фряговъ. Догадка, что первыя понятія объ искусствѣ книгопечатанія занесены въ Россію изъ Италіи подтверждается еще тѣмъ, что почти всѣ первоначальныя спеціальныя названія, употребляемыя въ типографскомъ дѣлѣ, взяты съ италіянскаго. Предположеніе это (прекрасно и основательно доказанное Румянцовымъ) тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ Венеціи въ то время печатались уже многія славянскія книги.

Цари-покровители печатнаго дѣла: Императоръ Александръ II, даритель свободы печати.

С. Феликсовъ.

Книгопечатаніе въ Россіи — послѣ Ѳедорова.

Царь, нанесенный московскому книгопечатанію въ самомъ его началѣ невѣжественнымъ и суевѣріемъ, не былъ, однакожъ, настолько силенъ, чтобы »дѣло Божіе вконецъ погубить«. Уже въ 1568 году, повелѣніемъ царя и благословеніемъ митрополита Аѳанасія, два мастера: Никифоръ Тарасіевъ и Невѣжа Тимоѳеевъ (по другимъ — Андроникъ Тимоѳеевъ Невѣжда) составили новую типанбу, т. е. новыя книгопечатныя орудія взамѣнъ старыхъ, погибшихъ при пожарѣ типографскаго дома. Въ этой типанбѣ учениками первопечатниковъ напечатали къ концѣ декабря 1568 года Псалтирь учебную, въ 4-ю долю листа, на 292 четвертныхъ. киноварью, по 16 строкъ на страницѣ, тою самою полуустановою азбукою, которая первоначально была устроена Иваномъ Ѳедоровымъ и П. Т. Мстиславцемъ.

Послѣ Псалтири 1568 года, въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ неизвѣстно ни одной книги, изданной въ самой Москвѣ. Извѣстно же лишь одно небольшое изданіе, также Псалтирь учебная, напечатанное въ 1577 году, въ слободѣ Александровской подъ Москвою, гдѣ царь Иванъ Васильевичъ, переселившись, устроилъ небольшую типографію подъ вѣдѣніемъ Андроника Тимоѳеева.

Такимъ образомъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ напечатано всего, насколько извѣстно, четыре книги: Апостолъ съ Часовникомъ и двѣ Псалтири. Впрочемъ, и эти четыре книги разошлись лишь въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ: тогдашнее общество не оцѣнило просвѣтительнаго значенія вновь введеннаго изобрѣтенія и, по-прежнему, скупало писанныя книги, но не печатныя. Типографія существовала собственно лишь для самого государя и его приближенныхъ.

Только въ 1589 году, съ устройствомъ въ Москвѣ патріаршества, когда понадобились церковно-служебныя книги, какъ по возросшей въ нихъ потребности особенно для новопросвѣщенныхъ племенъ: Казани, Астрахани, Сибири, такъ и по усилившемуся до крайности разногласію рукописей, — печатное дѣло пріобрѣло свое надлежащее значеніе и примѣненіе, не прерванное даже наступившими въ государствѣ смутами. Типографія, печатавшая, какъ и прежнія, исключительно только богослужебныя, церковныя книги, находилась подъ вѣдѣніемъ извѣстнаго уже Андроника Тимоѳеева Невѣжи. Когда-же Невѣжа, послѣ 35-ти-лѣтняго управленія типографіею умеръ, носъ »мастера« старѣйшей русской печатницы получилъ сынъ его, Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ. Въ началѣ XVII столѣтія печатали, впрочемъ, въ Москвѣ церковныя книги еще два мастера: Онисимъ Михайловъ Радишевскій Вольнецъ, по всей вѣроятности прибывшій въ Москву изъ Острожской типографіи, основанной Иваномъ Ѳедоровымъ, и Аникита Ѳедоровъ Фофановъ. Одна

изъ книгъ, напечатанныхъ этими мастерами въ 1610 г., по заказу Троицко-Сергіева монастыря крылошанина Логина, безъ благословенія патріарха московскаго (Уставъ или Око Церковное), была въ 1633 г., по распоряженію патріарха Филарета, публично сожжена.

Во время смутъ и разворенія печатнаго двора въ Москвѣ, въ 1611 г., поляко-литовцами, московская книгопечатная дѣятельность перенесена была въ Нижній-Новгородъ. Тутъ, подъ руководствомъ Никиты Фофанова печатались псалтири, часовники и прочія книги.

По воцареніи Михаила Ѳеодоровича, возстановлено было книгопечатное дѣло. Съ 1620 года оно производилось уже вновь на старомъ типографскомъ дворѣ. Съ этого періода имѣются приходорасходныя книги и другія производства т. н. »печатнаго приказа« — особаго административнаго учрежденія древней Руси, подъ управленіемъ котораго состояла потомъ московская типографія. Въ этихъ книгахъ и производствахъ встрѣчаются уже болѣе подробныя свѣдѣнія о послѣдующемъ положеніи типографской техники въ теченіе XVII вѣка въ Россіи. Всѣ эти свѣдѣнія, однакоже, довольно скудны и убѣждаютъ лишь, что за все это время книгопечатаніе ограничивалось, главнымъ образомъ, производствомъ церковно-славянскихъ книгъ и скорѣе прозябало, чѣмъ существовало.

Злобою книгопечатанія являются прежде всего справщики, часто люди мало-грамотные, часто открытые противники общепринятыхъ церковныхъ обычаевъ и мнѣній и ставшіе во главѣ того религіозно-гражданскаго движенія, которое проявилось въ половинѣ XVII столѣтія и извѣстно подъ названіемъ раскола. По винѣ этихъ справщиковъ расходилась масса богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ различнаго рода искаженіями. Число этихъ книгъ было настолько значительно и вредъ, ими причиняемый настолько явственный, что знаменитый патріархъ Никонъ созываетъ въ 1754 году соборъ, на которомъ рѣшено править книги по древне-славянскимъ и греческимъ рукописямъ. Справщикомъ книгъ при московской типографіи назначается извѣстный въ то время Епифаній Славинецкій, а въ 1656 году является въ свѣтъ новый исправленный »Служебникъ«, который разсылается всюду по церквямъ, а прежнія старо-печатныя книги всюду, по повелѣнію патріарха, отбираются. Эти новыя Никоновскія книги встрѣчены были многими приверженцами старины крайне недружелюбно, вызвали нареканія, споры, дѣйствіе которыхъ перенесено было въ зданіе печатнаго двора. Въ это именно время расколъ обнаружился явно въ полномъ разгарѣ, а рядомъ съ московскою печатницею является рядъ тайныхъ раскольничьихъ типографій.

Въ 1679 году заводится Симеономъ Полоцкимъ въ Москвѣ при типографіи особое типографское училище, которое, однакожь, собственно съ типографскимъ дѣломъ ничего общаго не имѣетъ и названіе свое получило отъ мѣстности, въ которой оно находилось.

Петръ Великій, вступая на престолъ, сразу понялъ великое значеніе книгопечатанія, впрочемъ, довольно уже въ то время развитаго (существовали уже типографіи въ Кіевѣ, Черниговѣ и др. мѣстахъ), и приложилъ свою желѣзную руку къ усовершенствованію, облегченію и распространенію печатнаго дѣла по всей Россіи. Прежде всего монархъ-великанъ, считая прежнюю церковно-славянскую азбуку византійскаго стиля по своей сложности неудобною, задумалъ создать новую азбуку упрощенную, по образцу общепринятаго въ то время въ Европѣ латинскаго шрифта. Царь лично работалъ надъ своимъ изобрѣтеніемъ, въ 1705 году изготовилъ рисунокъ новыхъ буквъ и отослалъ его въ Амстердамъ съ заказомъ отлить по этому образцу новый шрифтъ — **первый гражданскій шрифтъ**, названный такъ въ отличіе отъ прежняго церковнаго. Вновь отлитымъ шрифтомъ былъ отпечатанъ листъ первыхъ русскихъ »Вѣдомостей« (онѣ начали выходить со 2-го января 1703 г. на церковно-славянскомъ языкѣ). Впослѣдствіи этотъ шрифтъ былъ еще исправленъ и измѣненъ и этимъ уже исправленнымъ шрифтомъ была напечатана книга: »Пріклады, какъ писати комплименты«.

Съ этого времени, можно сказать, наступила новая эра въ исторіи русскаго книгопечатанія; кирилицы и вообще церковно-славянская азбука отошли безвозвратно на задній планъ.

Придумавъ гражданскій шрифтъ, Петръ Великій положилъ основаніе и первой гражданской типографіи. Въ 1711 году онъ устроилъ типографію съ однимъ печатнымъ станкомъ для печатанія указовъ. Типографію эту называли »Государевою письмопечатнею«. Она помѣщалась въ частномъ домѣ, но въ 1712 г. была переведена »на санктпетербургскую сторону въ образцовый мозаиковый домъ и умножена нѣсколькими станками, привезенными изъ Москвы«. По свидѣтельству одного описателя Петербурга Петровскихъ временъ, типографія эта помѣщена была направо отъ въѣзда въ крѣпость, возлѣ бывшей тамъ главной тогдашней харчевни. Петръ Великій, какъ упоминается въ его собственномъ журналѣ 19-го апрѣля 1714 г., былъ въ друкарнѣ и впослѣдствіи неоднократно посѣщалъ созданную имъ типографію. Въ 1727 году гражданская типографія указомъ Императора Петра Великаго съ 1721 года отдана въ академію наукъ, а церковная ея часть возвращена въ Москву. Впрочемъ, еще раньше были, сообразно потребности времени, открыты казенныя типографіи: въ 1721 году при артиллерійскомъ корпусѣ, а въ 1727 году при адмиралтейской академіи, спеціально для книгъ, посвященныхъ морскому дѣлу.

Такимъ образомъ, Петра Великаго слѣдуетъ считать не только изобрѣтателемъ гражданскаго шрифта, но и основателемъ гражданскихъ типографій и первымъ издателемъ книгъ и газетъ русскими буквами. Мало того. Повидимому, онъ былъ также первымъ редакторомъ и корректоромъ, потому что первая русская газета, называвшаяся »Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ Государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ«, редактировались имъ-же. Онъ самъ назначалъ карандашемъ для перевода и въ помѣщеніи въ »Вѣдомостяхъ« мѣста изъ голландскихъ газетъ, даже самъ держалъ корректуру. Нѣсколько нумеровъ »Вѣдомостей« съ корректурными его замѣтками хранятся до сихъ поръ въ синодальной библіотекѣ.

Въ заведенной при академіи наукъ типографіи 2-го января 1728 года стали печататься »С.-Петербургскія Вѣдомости« — первое настоящее періодическое изданіе въ Россіи.

Какъ при Петрѣ I, такъ еще долго послѣ его смерти типографское дѣло составляло исключительную монополію правительства. И такъ, въ 1757 году открыта типографія при кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ, въ 1762 году — при военной коллегіи, въ 1775 году – при бергъ-коллегіи и горномъ корпусѣ. Въ Москвѣ первую особую гражданскую типографію завелъ университетъ (въ 1755 году), а потомъ сенатъ. Всѣ эти типографіи устраивались для потребностей различныхъ государственныхъ учрежденій,— были, слѣдовательно, заведеніями казенными. Собственно же частныхъ, или, какъ выражались тогда, »вольныхъ« типографій не существовало еще долго. Только въ 1771 году дана привилегія нѣмцу Гартунгу завести въ Петербургѣ первую вольную типографію, но съ ограниченіемъ печатать только иностранныя книги, для предупрежденія подрыва казеннымъ типографіямъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1772 году, открылъ типографію Вейтбрехтъ, въ товариществѣ со Шноромъ. Впослѣдствіи заведеніе Вейтбрехта названо »Императорскою типографіею«, а Шноръ основалъ свою особую, считающуюся въ то время лучшею. Такимъ образомъ, первые піонеры частной типографской дѣятельности явились въ Россію изъ Германіи.

Къ царствованію императрицы Екатерины II относится, чрезвычайно важное для успѣховъ типографскаго дѣла въ Россіи, устройство »вольныхъ типографій. Указомъ императрицы отъ 15-го января 1783 года дана свобода и предоставлено право всякому заводить типографіи во всѣхъ городахъ имперіи и печатать книги на русскомъ и иностранномъ языкахъ съ освидѣтельствованіемъ ихъ отъ управы благочинія. Насколько мѣра эта была своевременна, указываетъ то обстоятельство, что сейчасъ-же завелись цѣлые десятки типографій въ Москвѣ и Петербургѣ. Первыми »вольными типографами« явились Брейткопфъ, Вильковскій, Гекъ, Богдановичъ, Крыловъ, Мейеръ — въ Петербургѣ; Гиптусъ, Пономаревъ, Анненковъ, Зеленниковъ, Лопухинъ, Новиковъ, Рѣшетниковъ, Селиновскій — въ Москвѣ. Въ 1784 году Новиковъ заводитъ цѣлую »типографскую компанію«, которая основала нѣсколько своихъ типографій и печатала множество полезныхъ книгъ ученаго, учебнаго и общеобразовательнаго содержанія, пуская ихъ въ продажу по самой дешевой цѣнѣ. Одновременно являются въ селахъ богатыхъ помѣщиковъ частныя, т. н. помѣщичьи, типографіи, изъ которыхъ извѣстны типографія бригадира Рахманинова въ его помѣстьѣ село Казанка, Тамбовской губерніи, дальше — Струйскаго, бывшаго рязанскаго губернатора въ селѣ Рузаевкѣ, Пензенской губерніи и др. Типографіи эти были лишь прихотью богатыхъ вельможъ и служили для ихъ забавы; книги-же, напечатанныя въ этихъ типографіяхъ, расходились лишь въ кругу знакомыхъ владѣльца данной печати.

Въ царствованіе Екатерины старообрядцы, воспользовались указомъ о вольныхъ типографіяхъ, устроили типографію въ посадѣ Клинцахъ, гдѣ печатались точные переводы съ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ.

Такимъ образомъ, частное типографское дѣло процвѣтало во всѣхъ его видахъ. Не смотря, однако-же, на это, правительство и послѣ разрѣшенія вольныхъ типографій не переставало заботиться о нуждахъ казны и продолжало дѣятельно учреждать типографіи при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, особенно при губернскихъ управленіяхъ въ учрежденныхъ тогда губерніяхъ; явились типографіи въ Тамбовѣ, Калугѣ, Тулѣ, Харьковѣ, Смоленскѣ, Воронежѣ и даже въ Тобольскѣ.

Развивающаяся въ полномъ разгарѣ типографская дѣятельность въ Россіи совершенно неожиданно была пріостановлена въ послѣдніе годы царствованія той-же самой императрицы, которая дала свободу вольнымъ типографіямъ и открыла совершенно новый путь книгопечатной дѣятельности. Французская революція до того сильно взволновала всѣ правительства Европы, до того испугала, что рядъ стѣснительныхъ мѣръ въ разныхъ странахъ Европы явился весьма понятнымъ. Такое общее настроеніе европейскихъ правительствъ отразилось и въ Россіи. Въ послѣдній годъ своего правленія, въ 1796 г., Екатерина II нашла нужнымъ сперва »упразднить всѣ типографіи, заведенныя частными лицами, кромѣ устроенныхъ по Высочайшему повелѣнію«, а затѣмъ и »рѣшительно всѣ частныя«. Въ то-же время было запрещено типографіямъ печатать и издавать книги безъ одобренія цензуры. Въ 1797 г. императоръ Павелъ I отдалъ повелѣніе »объ упраздненіи всѣхъ партикулярныхъ типографій«, т. е. всѣхъ, »кромѣ состоящихъ при присутственныхъ мѣстахъ«; изъ этого въ 1798 г. сдѣлано только исключеніе въ пользу типографіи въ Дерптѣ, которая оставлена попрежнему, съ тѣмъ, чтобы она не выпускала никакихъ сочиненій безъ вѣдома рижской цензуры.

Весь этотъ грустный эпизодъ изъ исторіи дѣятельности первыхъ частныхъ типографій въ Россіи скоро, однако, былъ искупленъ, правда, уже въ другое царствованіе. Указами 1801 и 1806 г. опять дозволена вольная типографская дѣятельность, причемъ типографіямъ вмѣнено въ обязанность означать типографію на заглавномъ листкѣ. Въ то-же время опредѣлены отношенія типографій къ цензурѣ, причемъ обнародовано, что въ частныхъ типографіяхъ запрещается печатать книги церковныя и относящіяся къ вѣрѣ.

Относительно казенныхъ типографій издано въ царствованіе Александра I довольно много постановленій, какъ объ учрежденіи новыхъ типографій, такъ и о преобразованіи уже существующихъ. Императоръ, какъ видно, интересовался печатнымъ дѣломъ, что доказываетъ, между прочимъ, прошеніе изобрѣтателя скоропечатной машины Кенига, который раньше отъѣзда своего въ Англію предложилъ покупку и примѣненіе своего столь важнаго изобрѣтенія русскому правительству. Отвѣтъ директора государственной типографіи отъ 27 мая 1805 года гласитъ, что императоръ

желалъ-бы ближе познакомиться съ устройствомъ машины Кенига и приглашаетъ его прислать модель изобрѣтенной машины.

Изъ дальнѣйшихъ постановленій о типографіяхъ наиболѣе замѣчательны: постановленіе закрывать типографіи, которыя будутъ уличены въ изданіи книгъ, не дозволенныхъ цензурою, съ преданіемъ виновныхъ суду, и дозволено министерству народнаго просвѣщенія заводить новыя типографіи, по представленіи учредителями отъ министра полиціи одобрительнаго свидѣтельства о ихъ благонадежности. Въ 1828 г. подробно опредѣлены въ »Цензурномъ Уставѣ« всѣ правила для печатныхъ книгъ, а въ »Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ« опредѣлены наказанія за неисполненіе ихъ. Наконецъ, дозволеніе заводить частныя типографіи предоставлено департаменту полиціи исполнительной, и начальникамъ губерній вмѣнено въ обязанность наблюдать, чтобы типографіи нигдѣ не были открываемы безъ разрѣшенія начальства.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили главнѣйшіе моменты исторіи книгопечатанія въ Россіи; видѣли возникновеніе его въ попыткахъ діакона Ивана Ѳедорова, коснулись преобразованія его Петромъ Великимъ и дальнѣйшаго развитія при его преемникахъ. Теперь намъ остается упомянуть о послѣднемъ и самомъ важномъ моментѣ его исторіи, происшедшемъ въ царствованіе въ Бозѣ почивающаго Царя-Освободителя, императора Александра II. Покойный государь, въ числѣ другихъ благодѣтельныхъ реформъ, даровалъ свободу и печати. Реформа эта, долго ожидаемая, особенно послѣ строгихъ законовъ о печати предшествовавшаго царствованія, дала возможность поднять голосъ всѣмъ, близко стоящимъ къ печатному дѣлу, и результаты ея для типографскаго искусства выказались самымъ блестящимъ образомъ. Въ сравнительно короткій промежутокъ со времени введенія реформы, русская печать сдѣлала гигантскій шагъ впередъ, и, безъ сомнѣнія, на пути мирнаго развитія наукъ и искусствъ, подъ скипетромъ нынѣ благополучно царствующаго государя императора Александра III, книгопечатаніе въ Россіи не преминетъ наверстать тѣ 100 лѣтъ, на которыя оно отстало, при возникновеніи книгопечатанія, отъ Западной Европы по причинамъ, не вполнѣ отъ него зависѣвшимъ.

С. Ф. Либровичъ.

Трехсотлѣтіе »божьяго дѣла« на Руси.

Исторія печатнаго станка—исторія просвѣщенія; его мирныя завоеванія—завоеванія духа въ области грубой матеріальной силы; каждый поворотъ его колеса—побѣда свѣта надъ тьмою. Гутенбергъ сдѣлалъ для человѣчества то, что сдѣлалъ раньше для него Прометей, и даже болѣе: онъ сообщилъ человѣческой мысли несокрушимую творческую мощь, молніеносную быстроту и безсмертіе неугасаемаго божественнаго огня!

Проектъ памятника Ивану Ѳедорову на кронштейнѣ синодальной типографіи въ Москвѣ.

Миссія печатнаго станка — »Божіе дѣло«, по прекрасному выраженію того, чью память мы чествуемъ и кто несомнѣнно раздѣляетъ въ извѣстной долѣ благородную славу великаго общечеловѣческаго Прометея духа! Скромный, безвѣстный, почти одинокій подвижникъ »божьяго дѣла«, онъ — первый на Руси затеплилъ благодатную искру этого божественнаго огня и, подобно многимъ героямъ просвѣтительной идеи, испыталъ прометеевскую судьбу — сталъ жертвой »презѣлнаго озлобленія« слѣпыхъ сторонниковъ тьмы, пострадалъ и былъ изгнанъ »отъ земли и отечества и отъ рода своего«...

Мы плохо помнимъ и мало цѣнимъ нашихъ истинныхъ героевъ-двигателей русской культуры и русскаго просвѣщенія. Нынѣ состоявшееся, по счастливой мысли и согласію представителей типографскаго дѣла въ Россіи, чествованіе памяти Ивана Ѳедорова, по настоящему, должно-бы стать праздникомъ всѣхъ русскихъ грамотныхъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ, оглянувшись на истекшее трехсотлѣтіе, съ той минуты, когда на землѣ Русской впервые былъ утвержденъ печатный станокъ и изъ подъ него вышли первые въ русской письменности типографическіе оттиски, мы были бы въ полномъ правѣ отпраздновать годовщину трехсотлѣтняго огромнаго интеллектуальнаго прогресса нашей родины.

Что такое была Россія, въ умственномъ и культурномъ отношеніяхъ, три-

каѳедры авторитетно вѣщалось православнымъ: »не читайте книгъ многихъ, занеже кто ума изступилъ—и онъ сица въ книгахъ сошелся и онъ сица въ ересь впалъ«. Общество коснѣло въ темнотѣ и невѣжествѣ; не было ни школъ, ни иныхъ разсадниковъ просвѣщенія. Книга считалась рѣдкостью и роскошью, цѣнить которую умѣли очень немногіе. Даже Государевъ починъ, даже благословеніе верховнаго іерарха началу »божьяго дѣла« на Руси, т. е. книгопечатанія, съ благочестивой цѣлью распространенія исключительно церковныхъ книгъ, не нашло себѣ сочувствія въ обществѣ, а фанатиками духовнаго мрака было встрѣчено враждебно и стало жертвой ихъ »презѣлнаго озлобленія«.

Съ той темной поры прошло триста лѣтъ, и — теперь въ Россіи имѣется уже болѣе тысячи типографій; теперь въ ней нѣтъ уже сколько-нибудь значительнаго города, въ которомъ не работалъ-бы печатный станокъ; сотни періодическихъ изданій, въ милліонахъ экземпляровъ, ежедневно разносятся по всей странѣ въ самые отдаленные углы; книжная литература ежегодно обогащается нѣсколькими тысячами новыхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ искусства и знанія; число школъ считается десятками тысячъ и растетъ съ каждымъ днемъ; публичныя библіотеки и читальни становятся насущной потребностью каждаго городка!

Всего этого, положимъ, еще мало, сравнительно съ западными странами, но, сравнительно съ тѣмъ, что было у насъ триста лѣтъ тому назадъ, въ дни перваго русскаго типографа,— »божье дѣло« на Руси развилось и процвѣло, по истинѣ, въ исполинскихъ размѣрахъ!

Чествуя нынѣ память перваго подвижника этого дѣла у насъ, благовременно вспомнить съ признательностью и о другихъ его двигателяхъ, друзьяхъ и покровителяхъ.

Какъ извѣстно, начали у насъ »изыскивати мастерство печатныхъ книгъ« »повелѣніемъ благочестиваго царя Ивана Васильевича«. Царственный починъ лежитъ и на всѣхъ послѣдующихъ успѣхахъ этого »мастерства« въ Россіи, развившагося параллельно съ просвѣщеніемъ, которое такъ много обязано тому-же почину.

Самой рѣшительной эпохой въ судьбѣ книгопечатанія въ Россіи, въ его упроченіи и развитіи, является, безъ сомнѣнія, царствованіе Петра Великаго.

Второй памятной эпохой въ преуспѣяніи книгопечатанія въ Россіи служатъ первые годы царствованія Екатерины II, которая покровительствовала литературѣ и печати не только потому, что была мудрой, просвѣщенной государыней, но и потому, что сама была писательницей—другомъ Вольтера и Дидеро.

Наконецъ, третьей плодотворной эпохой въ развитіи »божьяго дѣла« на Руси было царствованіе незабвеннаго Александра II, даровавшаго—понынѣ дѣйствующимъ закономъ 1865 г.—книгопечатанію и литературѣ такой просторъ и такія льготы, какими они дотолѣ никогда не пользовались. За то и результаты получились удивительные: одна книжная производительность, не говоря о журналистикѣ, въ теченіе первыхъ послѣ реформы десяти лѣтъ почти *утроилась* (съ 1.800 книгъ въ 1865 г. она дошла, въ 1875 г., до 4.500 книгъ)!

Словомъ, бѣглый обзоръ исторіи печатнаго станка въ Россіи неотразимо убѣждаетъ, что »божье дѣло« у насъ въ хорошихъ рукахъ, на хорошей дорогѣ, и хотя бывали у него и черные деньки, но вся будущность ему принадлежитъ и — надѣемся — будущность счастливая и блестящая!

Вл. Михневичъ.

Содержаніе текста:

Предисловіе. — Памяти перваго друкаря на Руси. Стихотвореніе *Александра фонъ-Беземана.* — Что празднуемъ мы? *М. Песковскаго.* — Иванъ Ѳедоровъ, первый книгопечатникъ на Руси. Біографическій очеркъ *О. И. Тарнавскаго.* — Введеніе книгопечатанія въ Россіи. *С. Соловьева.* — Первыя друкарни у славянъ. *П. Строева.* — Гоненіе первопечатниковъ. *М. Погодина.* — Величіе и заслуги Ѳедорова. *Г. Глинскаго.* — »Клевретъ« первопечатника. *Ев. Русаковой.* — Старѣйшая русская типографія. *Л. М. Волкова.* — Надгробный камень Ѳедорова. *И. Токмакова.* — Древнѣйшіе типографскіе термины. — Царь-основатель печатнаго дѣла. *П. Полеваго.* - Печатаніе книгъ 300 лѣтъ тому назадъ. *Вл. Фокина.* — Книжная келья XV вѣка. *Р. Минцлова.* — Первенецъ русской печати. *В. Е. Румянцова.* — Острожская Библія. — Кто былъ первымъ книгопечатникомъ на Руси? *С. Феликсова.* — Книгопечатаніе въ Россіи послѣ Ѳедорова. *С. Ф. Либровича.* — Трехсотлѣтіе »божьяго дѣла« на Руси. *Вл. Михневича.* — Слова митрополита Макарія о книгопечатаніи.

Рисунки и снимки:

Гербъ Ѳедорова. — Гербъ г. Львова на книгахъ, напечатанныхъ Ѳедоровымъ во Львовѣ.—Видъ замка кн. Константина Острожскаго [1]). — Гербъ князя К. К. Острожскаго на его изданіяхъ. — Снимокъ съ первопечатной Гутенбергской Библіи [1]). — Шрифтъ первопечатнаго »Католикона« Гутенберга [1]). — Послѣсловіе Краковскаго Октоиха, старѣйшей изъ печатныхъ книгъ славянскихъ [1]). — Первый листъ первопечатнаго »Апостола« 1564 г. — Заставица изъ первопечатнаго »Апостола«. — Снимокъ съ »Поучительнаго Евангелія«, напечатаннаго въ Заблудовѣ. — Изображеніе льва и единорога на древнихъ книжныхъ переплетахъ. — Древній печатный дворъ въ Москвѣ. — Надгробный камень Ѳедорова. — Гербъ Г. А. Ходкевича, печатаемый на его изданіяхъ. — Образчикъ древней книжной заставки [1]). — Одинъ изъ первыхъ печатниковъ. — Печатный станокъ въ 1520 г. — Первобытный печатный станокъ. — Залъ инкунабуловъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ [5]). — Цари-покровители печатнаго дѣла: Иванъ Грозный. - Петръ Великій [3]). — Екатерина II [1]). — Императоръ Александръ II. — Проектъ памятника Ивану Ѳедорову на кронштейнѣ синодальной типографіи въ Москвѣ [4]).

Приложеніе. Проектъ памятника Ѳедорову, арх. А. Любимова [2]).

Примѣчаніе: Рисунки, обозначенные 1) любезно доставлены для помѣщенія въ настоящемъ изданіи Товариществомъ М. О. Вольфъ; обозначенные 2)—редакціею „Всемірной Иллюстраціи"; а обозначенные: 3) —типографіею В. Ф. Демакова, 4) — словолитнею О. Гербека, 5) — А. Ф. Марксомъ.

Редакторъ-Издатель **Эдуардъ Гоппе.**

СВЫ́ШЕ ДА́РЪ СХОДЯ́ЩЪ

Слова митрополита Макарія о книгопечатаніи въ послѣсловіи къ первопечатному Апостолу.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 декабря 1883 г. Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр., № 53.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. № ..... 193 г.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

I. УНГРА | **Тов. М. О. ВОЛЬФЪ**

СПб., Казанская площадь, 7. | СПб., Гостиный Дворъ, 17.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ ПОЛЬСКАЯ БРОШЮРА

STARA POLSKA

w opisie malowniczym.

HISTORJA NIEWYDANEGO DZIELA

przez ZYGMUNTA LIBROWICZA.

Цѣна **40** коп.; съ перес. **50** коп.

Х. МАНСФЕЛЬДЪ

въ Лейпцигѣ.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ:

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ

для переплетныхъ заведеній, типографій, картонажныхъ фабрикъ и пр.

прочной конструкціи и изящной отдѣлки.

Каталоги высылаетъ единственный представитель для Россіи

ИНЖЕНЕРЪ **А. Л. СПИЛЬГАУСЪ**

въ Москвѣ.

Словолитня О. О. ГЕРБЕКА въ Москвѣ

Б. Ник., Чернышевск. пер., собственный д., № 210—484.

Имѣетъ въ готовности большой выборъ

КНИЖНЫХЪ, ТИТУЛЬНЫХЪ и ЗАГЛАВНЫХЪ ШРИФТОВЪ,

украшеній, политипажей и другихъ словолитныхъ произведеній.

СКЛАДЪ

СКОРОПЕЧАТНЫХЪ МАШИНЪ

ФАБРИКЪ: ІОГАНИСБЕРГЪ, ВЮРЦБУРГЪ и АНГЛІЙСКИХЪ

и ВСЯКАГО РОДА ТИПОГРАФСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

Бумага для визитныхъ и свадебныхъ карточекъ.

ГРАВИРОВКА, ГАЛЬВАНОПЛАСТИКА и СТЕРЕОТИПІЯ.

ОБРАЗЦЫ ШРИФТОВЪ

высылаются по присылкѣ 8 рублей и на пересылку за 5 фунтовъ. При заказѣ свыше ста рублей, или возвращеніи книги—деньги выдаются обратно.

Всѣ шрифты О. О. Гербека можно получать въ С.-Петербургѣ по московскимъ цѣнамъ въ Депо и Агентствѣ

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 53. ЭД. ГОППЕ и К°.

КРАСКИ | и ОЛИФЫ

ЗАВОДА

Х. ШРАММА

въ Оффенбахѣ на Майнѣ.

Главные Агенты | для всей Россіи

ЭД. ГОППЕ и К°.

С.-Петербургъ, | Вознесенскій пр., 53.

ФАБРИКА

Г. ЗИГЛЬ въ БЕРЛИНѢ

ПОСТАВЛЯЕТЪ

ТИПОГРАФСКІЯ СКОРОПЕЧАТНЫЯ

МАШИНЫ

Новѣйшей конструкціи съ Самопріемщикомъ и Принадлежностями.

№ 0	Величина набора	340 × 480	милиметр.	съ желѣзнодорожн. движ.
» 1	» »	445 × 630	»	
» 3	» »	525 × 785	»	съ жел.-дорожн. или круговращательнымъ движеніемъ.
» 3а	» »	525 × 850	»	
» 4	» »	590 × 890	»	
» 5	» »	630 × 940	»	
» 6	» »	680 × 1050	»	съ круговращ. движеніемъ.
» 6а	» »	680 × 1200	»	
» 7	» »	785 × 1310	»	

Цѣны умѣренныя. Условія по соглашенію.

Машины этой фирмы находятся въ складѣ у **Эд. ГОППЕ и К°,**

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., №№ 47 и 53.

Для Лито- и Цинкографовъ.

САМАЯ ЛУЧШАЯ

Переводная Бумага — 8 коп. за листъ

Papier pelure (папье-пелюръ) — 15 коп. за листъ

РАЗНЫЯ ТОНОВЫЯ БУМАГИ

имѣются постоянно въ большомъ количествѣ

въ Депо и Агентствѣ

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., №№ 53 и 47. Эд. ГОППЕ и К°.

ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ И КАССЫ
превосходнѣйшаго качества доставляетъ
ДЕШЕВО и ПРЯМО ПО АДРЕСУ
РОМАНЪ ШЕРЕРЪ
въ Люцернѣ (Швейцарія).
БОЛЬШАЯ ФАБРИКА
ДЕРЕВЯННЫХЪ ШРИФТОВЪ
и принадлежностей.

СЛОВОЛИТНЯ
въ С.-Петербургѣ,
существуетъ съ 1854 года.
Складъ шрифтовъ у Ив. Ив. ФЛОРА въ Москвѣ,
Никитская, д. Рихтера.
О. И. ЛЕМАНА
Банковскій п., 52-3.
Постоянно располагая БОЛЬШИМЪ ЗАПАСОМЪ готовыхъ шрифтовъ, словолитня въ состояніи, въ весьма короткое время, удовлетворить самымъ значительнымъ требованіямъ.
Съ словолитней соединены: гравернов, стереотипное и гальванопластическое заведеніе.

К. РЮГЕРЪ
въ ЛЕЙПЦИГѢ.
ФАБРИКА МѢДНЫХЪ ЛИНЕЕКЪ.
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ ТИПОГРАФІЙ.
Аккуратная доставка. Дешевѣйшія цѣны.

Добавленіе къ каталогу 1882 года
„Изданіе ЮРГЕНСОНА“
вышло изъ печати и раздается и высылается по требованію съ каталогомъ
БЕЗПЛАТНО
у **Н. ЮРГЕНСОНА** въ Москвѣ (Неглинный пр., 10), **І. ЮРГЕНСОНА** въ С.-Петербургѣ, **ЗЕННЕВАЛЬДА** въ Варшавѣ.

ПРАКТИЧНО!
СТАЛЬНЫЕ НАКЛАДЧИКИ МЕГИЛЛЯ
для типографскихъ станковъ и для машинъ »LIBERTY«. Можно получить у Эд. Гоппе и К°, Вознесенскій пр., № 53.

БРАТЬЯ БРЕМЕРЪ,
МАШИННЫЯ ФАБРИКИ
въ ФИЛАДЕЛЬФІИ, ЛОНДОНѢ, ЛЕЙПЦИГѢ и ПАРИЖѢ
СПЕЦІАЛЬНОСТЬ:

Болѣе чѣмъ 400 машинъ въ дѣйствіи

для привода въ движеніе ногою или ремнемъ; работаетъ за 4-рыхъ или 5-рыхъ ловкихъ рабочихъ.

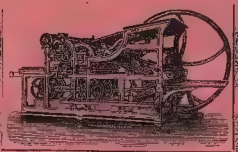
ПРОВОЛОКО-СШИВАЛЬНЫЯ МАШИНЫ
ДЛЯ ФАБРИКЪ КОНТОРСКИХЪ КНИГЪ, ПЕРЕПЛЕТНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ и ТИПОГРАФІЙ.

МАЛАЯ СШИВАЛЬНАЯ МАШИНА.
Больше чѣмъ 1000 машинъ въ дѣйствіи

для привода въ движеніе ногою или рукою. 800—1000 тетрадей и др. въ часъ.

Каталоги, проспекты и другія свѣдѣнія можно получить чрезъ представителя для Россіи
Инженера А. Л. СПИЛЬГАУСЪ въ Москвѣ,
а также чрезъ **ЭД. ГОППЕ и К° въ С.-Петербургѣ,** Вознесенскій просп., №№ 47 и 53, гдѣ находится складъ этихъ машинъ и принимаются заказы.

Учреждено 1879 г.



ЕКАТЕРИНИНСКОЕ МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
А. ВАСИЛЬЕВА.
С.-Петербургъ, Старо-Петергофскій просп., № 10.
Рекомендуетъ построенныя въ этомъ заведеніи и имѣющіяся всегда въ запасѣ типо- и литографскія скоропечатныя машины.

НУЖЕНЪ опытный и знающій дѣло **ФАКТОРЪ**
Предложенія, съ подробнымъ обозначеніемъ условій, присылать
въ ПАРОВОЕ ЛИТО-ТИПОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
Г. Т. Корчакъ-Новицкаго
въ г. КІЕВѢ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря, 1883 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр., № 53.